Т37/164

10-17 ноября 1921 г.

Т 37/164

Выпуск 1-й.

348
6 1/55

ТРУДЫ
ВСЕРОССИЙСКОЙ ЛЕСНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

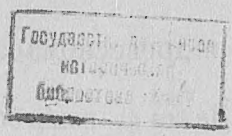
10 — 17-го ноября 1921 года в Москве.

ИЗДАНИЕ
НАУЧНОГО ЛЕСНОГО и ТЕХНИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА
при МОСКОВСКОМ ЛЕСОТЕХНИЧЕСКОМ ИНСТИТУТЕ.
1922 г.

Р. Ц. Вх. № 182. Тираж 1000 экз.

39-я Типография М. С. Н. Х. „Мосполиграф". Путинковский пер. 3.

Т 37
164



1394958

Состоявшаяся в Москве 10—17 ноября 1921 года Всероссийская Лесная Конференция поручила Совету Научного Лесного и Технического Общества при Московском Лесотехническом Институте, по инициативе которого и была созвана Конференция, принять меры к изданию ее трудов.

Совет Научного Лесного и Технического Общества считает своим долгом выполнить волю Конференции, значение которой было, несомненно, огромным. К сожалению, современные условия частного издательства, затруднения технические и финансовые не дали возможности опубликовать труды Конференции своевременно и в должной полноте. Все, что могло Научное Лесное и Техническое Общество до настоящего времени сделать в этом направлении, это — посвятить Конференции 2-ой выпуск своих „Бюллетеней“, куда вошли: краткий очерк работ Конференции, принятые ею резолюции и приготовленный для Конференции, но не заслушанный ею за опозданием автора, доклад проф. С. А. Богословского „Исследование прироста разновозрастного елового леса в связи с запросами выборочного хозяйства“. Резолюции Конференции вместе с кратким очерком были изданы и в виде отдельной брошюры.

В настоящее время явилась возможность приступить к изданию „Трудов Всероссийской Лесной Конференции“, но выходить они будут лишь небольшими отдельными выпусками. В первый выпуск, согласно постановления избранной Конференцией редакционной комиссии, вошли следующие доклады, заслушанные на пленарных заседаниях Конференции:

К. И. Покалюк. „Основы организации лесного управления“.

Т. В. Нехорошев. „Основной закон о лесах“.

Н. А. Кузнецов. „Состояние лесного хозяйства РСФСР в настоящее время (1921 г.)“.

В. И. Майер. „Согласование требований лесного хозяйства с запросами лесной промышленности и других отраслей промышленной деятельности республики“.

В. Н. Сукачев. „Очередные задачи русской дендрологии“.

Л. П. Жеребов. „Целлюлозное и древесномассное производство“.

В приложении—проект Лесного Закона, выработанный по поручению Конференции комиссией в составе: К. И. Покалюк—председатель и члены — Н. А. Кузнецов, Т. В. Нехорошев, А. С. Салмин, Г. М. Турский и Д. Н. Халтурин.

Содержание следующих подготовляемых к печати выпусков составят: доклады, заслушанные в пленуме Конференции, и важнейшие из секционных докладов, тезисы всех остальных докладов, не приводимых полностью, протоколы пленарных заседаний, список участников Конференции и другие материалы.

Основы организации лесного хозяйства.

Доклад К. И. ПОКАЛЮКА.

Сообщение, которое я по поручению Организационного Комитета Конференции имею честь предложить вашему вниманию, по своему содержанию далеко не охватит п. 4 нашей программы, так как я буду говорить не об основах организации лесного хозяйства вообще, а лишь коснусь одной его части—вопроса о государственном лесоуправлении.

Избитая тема, скажете вы. Тема, успевшая не только навязнуть у нас в зубах, но и набить кое-кому изрядную оскомину. Мало того. Взявшись за этот доклад, я отнюдь не претендую ни на оригинальную постановку вопроса, ни на исчерпывающее его освещение, так как, поскольку мне известно, все pro и contra в этом деле уже давно сказаны. Если же я, все-таки, решаюсь утруждать вас, то исхожу из того положения, что уклоняться от выявления своей точки зрения в этом деле вообще, а в данный момент—в особенности, было бы с нашей стороны профессиональным преступлением. По мере сил и разумения должны мы, пока не поздно, стараться фиксировать внимание на этом кардинальном для нас вопросе, от того или иного разрешения которого в значительной мере зависит судьба наших лесных богатств. Не будем забывать, что «все дано всемогущим богам, но одно стоит вне их власти: бывшее сделать не бывшим» (Аристотель), и что современное положение этого вопроса уже повело ко многим, очень трудно поправимым, ошибкам.

Если на одну минуту обратиться к прошлому нашего лесного управления, то мы увидим следующее. Первый законодательный акт об управлении лесами относится к эпохе Петра Великого. Согласно его указу (17 июня 1719 года), управление лесами было поручено вальдмейстерской конторе адмиралтейской коллегии, дела которой вершились «старыми или увечными флаг-офицерами», а за недостатком таковых—капитан-командирами, «которые мало удобны уже на службе военной». Не останавливаясь на дальнейших судьбах нашего государственного лесного органа, продолжавшего под тем или иным именем оставаться в ведении адмиралтейской коллегии, отмечу лишь характерный указ Павла I от 18 марта 1799 года о том, что обер-форстмейстеры должны сноситься со своим центральным органом, не дожидаясь на это разрешения губернатора. С учреждением 8 сентября 1802 года министерства финансов, в его ведение перешло управление всеми казенными лесами. Такое об'единение лесоуправления длилось, однако, не долго. Начиная с 13 июня 1806 года, когда горному департаменту были переданы леса, приграниченные к казенным и частным горным заводам, государственные лесные имущества вновь распыляются между различными ведомствами. Особенно характерной в этом отношении является забота графа Канкрина—не могшего справиться с «необ'ятной массой лесов» в виду недостатка средств—передать леса сообразно специальному их назначению в разные

ведомства в том предположении, что «собственные их (ведомств) выгоды побудят пещись о сбережении сих лесов, составляющих их условную собственность». Действительность показала, однако, иное: судя по донесениям ревизовавших лиц, леса значительно пострадали от опустошений. Как последствие этого, в 1830 году на пять лет был приостановлен отпуск леса из восемнадцати губерний. Жалкое существование, которое влачило лесное управление в министерстве финансов, продолжалось первое время и во вновь учрежденном (26 декабря 1837 г.) министерстве государственных имуществ, в котором лесные дела были разделены между разными отделениями разных департаментов министерства.

Понадобилось целых семь лет, чтобы (18 января 1843 года) все дела по лесной части сосредоточить в одном лесном департаменте. Еще больше потребовалось времени, чтобы осуществить пожелание Николая I, высказанное им в 1841 г., о передаче министерству государственных имуществ корабельных лесов: закон о таковой передаче издан лишь в 1853 г. В позднейшую эпоху, вплоть до нашего времени, никаких серьезных экспериментов с лесным управлением мы уже не наблюдаем, и правительство, не смотря на все увеличивающееся народохозяйственное и финансовое значение наших лесных богатств, почило в этом отношении на лаврах. Только весьма сильное средство—переживаемая нами революционная эпоха—встряхнуло нас в этом отношении от спячки и энергично двинуло..... назад. В самом деле, что мы видим теперь, после ста двадцатипятилетнего государственного опыта управления нашими несметными лесными богатствами? Правда, ни старые флаг-офицеры, ни мало удобные на военной службе капитан-командиры не причастны к управлению нашими лесами. Но кто же управляет ими на местах? Полагаю, что вам говорить об этом мне не пристало. Если же необходимы конкретные цифры и справки о составе наших товарищей по оружию на местах, то это гораздо лучше меня сумеет сделать присутствующий здесь Н. А. Кузнецов, которому в этом отношении и книги в руки. Во всяком случае, лесным делом у нас занимается всякий, кому только не лень. Да и отчего не заняться, если достаточно видеть «Лес» Островского, а то и просто иметь то или иное отношение к театральным подмосткам, на которых он ставится, чтобы быть специалистом в этой, столь простой и популярной у нас, области знаний.

Павел I, как это видно из его многочисленных указов, любивший лес и о нем заботившийся, пытался оградить обер-форстмейстеров от тогдашних сатрапов. Ну, а теперь, смеют ли техники на местах свое суждение иметь, если оно не согласно с видами местных современных сатрапов?

Граф Канкрин впал в уныние от того, что не надеялся справиться с «необ'ятной массой лесов» и старался рассовать их в разные ведомства и учреждения, где о них сумеют пещись лучше, чем он. Но на то он и был немец, чтобы унывать и передавать дело туда, где оно, по его расчетам, должно было идти лучше. Мы же, россияне, как вам известно, никогда не унываем, но леса наши рассовываем весьма и весьма исправно. И в этом отношении вы едва ли потребуете от меня примеров.

Я был бы, однако, несправедлив, если бы ограничился указанием лишь тех случаев, когда мы в нашем, если так можно выразиться, лесном творчестве повторяем зады. Если прежняя политика лесоуправления, сбиваясь, правда, от времени до времени с намеченного пути, все-таки имела своею конечною целью создание единого лесного государственного хозяйства, то в настоящее время мы, повидимому, стоим

на другой точке зрения. Рубку леса, являющуюся, по характерным особенностям лесного хозяйства, синонимом лесовозобновления, мы передали главному лесному комитету и его многочисленным органам и контрагентам. Что они творят в наших лесах—вы знаете лучше меня. Не станете вы также отрицать и того, что об этой системе рубки нужно говорить не как о синониме, а как об антиподе лесовозобновления. В вопросах ухода за насаждениями мы уповаем на Бога. Охрану лесов предполагаем выделить из компетенции центрального лесного органа в ведение милиции. Необходимых техников, которые должны же когда-либо заменить «флаг-офицеров» и «капитан-командиров», мы ожидаем получить от главпрофобра. Лесное опытное дело оказалось у нас не ко двору и отошло к ученому сельскохозяйственному комитету наркомзема. А в последнее время—с водворением у нас новой экономической политики—сбыт леса и отвод аренд и концессий производится кем угодно, но только не центральным лесным управлением. Что же после всего этого осталось от наших лесных органов? Без большого преувеличения можно сказать: в центре—ничего, а на местах—растворившиеся в «капитан-командирах» единичные специалисты, которые, лишившись всякой власти и авторитета у местного населения, занимаются, чтобы спастись от голода, чем угодно, но только не лесным хозяйством. Лесная разруха, по моему, подходит к пределу, а говорить о существовании у нас лесного хозяйства и лесных органов можно лишь по недоразумению. Мне могут заметить, что об'яснение переживаемого нами лесного безвременья нужно искать в топливном кризисе, что во время пожара не нужно считать битых стекол. Об'яснение это, однако, нисколько не может оправдывать создавшегося положения. Да, для ослабления топливного голода неизбежна усиленная эксплоатация наших лесных запасов. Да, во время пожара не нужно жалеть о разбитых стеклах. Но едва ли кому-либо покажется правильным, чтобы руководство тушением пожара предоставить всем желающим одновременно, без определенной общей идеи, без об'единяющей опытной воли, чтобы битье стекол стало самоцелью. Едва ли можно согласиться с таким положением, при котором для увеличения запасов топлива вырубается не менее необходимый строевой лес, чтобы при этом, как правило, но без всякой пользы для осуществления основного задания, велось совершенно бессистемно вопиющее лесоистребление, чтобы вместо закультивирования вырубки захламлялись и обращались в источники неслыханных в истории лесных пожаров и очаги заразы для всех окрестных, уцелевших от топора, лесов. Никто не хочет думать, что бездействующие фабрики и заводы могут быть пущены чрез год—другой, что погибший живой и мертвый инвентарь, нераспаханные поля могут быть восстановлены и распаханы в довольно краткий срок, что разрушенные копи и бездействующие нефтяные земли могут дать миллионы пудов столь необходимого топлива много чрез пять—десять лет, но что леса не будут восстановлены ни для нас, ни, даже, для следующего после нас поколения.

Каковы же ближайшие причины всей этой разрухи? Прежде всего —полная несогласованность всех мероприятий в нашем лесном хозяйничанья, полное отсутствие не только руководящей, но и вообще какой бы то ни было государственной идеи. И главлеском, и лесскомы, и рунводы, и наркомвнешторг, и высший совет народного хозяйства, и горные, и свеклосахарные заводы, и тресты, и арендаторы, и концессионеры, и все, решительно все, хозяйничают в них, нисколько не считаясь друг с другом, с природой леса, со всеми теми его требованиями, неисполнение коих ведет к полному расстройству, а то и гибели самого

об'екта эксплоатации. А государственный орган, ответственный за эту крупнейшую отрасль народного хозяйства—центральное управление лесами—предмет спора между комиссариатом земледелия и высшим советом народного хозяйства, лишь беспомощно взирает на всю эту разруху, ибо провести свою точку зрения, защитить интересы леса, лечить его раны—он совершенно бессилен: у него может быть своя точка зрения постольку, поскольку она соответствует видам и интересам земледелия, лесному хозяйству будет уделено внимание лишь в том случае, если оно не фиксировано заботами о земледелии, а его средства —крупицы от трапезы земледелия и других, более его модных или счастливых, органов. Для всех ясно, что если сегодня не посеешь, то чрез полгода будешь голодать; если сегодня не спасешь от гибели своего скота, то завтра не распашешь своих полей, не удобришь их и будешь голодать; если сегодня не будешь топить, то сегодня же станут твои фабрики и не пойдут поезда. И кому при таких условиях охота думать о том, что если сегодня, не только без всякого плана, но и без всякого толку, уничтожишь лес, а по вырубкам пустишь скот, огонь и размножишь вредных насекомых, то от этого пострадает кто-то в далеком будущем. В этом и состоит вся беда лесного хозяйства, что всякое неразумное вторжение в него отзывается не сейчас, не всегда на глазах хозяйствующего суб'екта, а в более или менее отдаленном будущем. Между тем искушение взять от леса не только то, что допустимо с точки зрения правильного хозяйства, но и то, что в корень его разрушает, но что совершенно не заметно на первый взгляд, так велико. Поэтому становится совершенно ясным, что распоряжаться снятием урожая в лесу может и должен лишь тот, кто ведет лесное хозяйство, кто знает его природу, тот, кто несет за него ответственность. Раз урожай снят—пусть им распоряжается кто и как хочет—для леса и лесного хозяйства дальнейшее совершенно безразлично. Но этот сбор, повторяю, в особенности, если к размерам его пред'являются исключительные требования, должен производиться лишь опытной, любящей лес, рукою. Все эти соображения дают, полагаю, полное основание утверждать, что лесное хозяйство, начиная с момента заложения насаждения и кончая его срубкой и первоначальной обработкой, производимой в местах срубки, должно быть об'единено в одном органе, ведающем все государственное лесное хозяйство. Претензии топливных органов, органов, ведающих техническую переработку древесины, и многих других на какое бы то ни было вмешательство в цикл хозяйственных работ и мероприятий до момента вывозки лесных материалов из лесу совершенно недопустимы. Мысль эта должна быть в отношении леса столь же ясна, как она, скажем, ясна относительно полевого хозяйства: едва ли кто либо признает правильным вмешательство наркомпрода в область управления сельским хозяйством. Параллельно с таким сосредоточением в центральном лесном органе лесохозяйственных функций, в ведение его должно отойти лесное опытное дело, ибо едва ли кто-либо станет спорить о том, что лесному хозяину виднее, чем кому бы то ни было, как сущность и об'ем, так и, главное, желательное направление опытных лесных работ и хозяйств. Несколько спорным представляется для некоторых вопрос о передаче такому органу руководства лесным образованием. Прежде всего это предположение как бы противоречит современной политике постановки образования вообще. Но не нужно забывать, что эта принципиальная точка зрения поколеблена тем, что военные учебные заведения находятся вне попечительного воздействия наркомпроса. Если, таким образом, отбросить принципиальную точку

зрения, то для всякого будет ясно, что ведомство, в частности лесное, лучше, чем кто бы то ни было, а в том числе и главпрофобр, знает свои нужды и, следовательно, все те требования, которые надлежит пред'являть к специальным лесным школам и ее питомцам—своим будущим сотрудникам. Не менее существенным, чисто практического свойства, моментом является то обстоятельство, что лесная школа более чем какая бы то ни было другая связана с будущим об'ектом практической деятельности ее питомцев—лесом. В особенности это нужно сказать относительно низшей школы, вне леса совершенно немыслимой.

Если взгляд на прошлое и мало-мальски сознательное отношение к настоящему нашего государственного лесного хозяйства позволяют утверждать, что концентрация всего лесного дела в едином лесном органе—неизбежный этап в нашем экономическом и хозяйственном строительстве, если мы не желаем остаться у леса без леса, то попытка заглянуть вперед укрепляет нас в этом отношении еще более. Не подлежит сомнению, что рано или поздно мы войдем в орбиту международных экономических взаимоотношений. Что же мы сможем пред'явить тогда для улучшения нашего торгового баланса, международного финансового положения? Конечно, не наш хлеб, так как вывоз его уже в довоенное время падал. Так как вследствие гибели скота пройдет некоторое время, пока удастся поднять вывоз такового, а также его продуктов, то, несомненно, доминирующая роль на международном рынке среди наших продуктов вывоза будет принадлежать лесу. Если это так, а это не может подлежать никакому сомнению, то срочная необходимость создания государственного органа, который мог бы обнять все стороны лесного хозяйства, всю сложную гамму внутренних и международных к нему отношений, является насущнейшим требованием данного момента. Буде же он при этом останется на поводу у одного из существующих государственных органов, если интересы его будут при этом трактоваться не с абсолютной, а лишь относительной, ведомственной точки зрения, если, наконец, он будет рассматриваться лишь как дойная корова, которую можно кормить лишь постольку, чтобы она не околела, то на нашем лесном хозяйстве придется поставить крест на долгие годы. Там, где это нам доступно, будем дорубать остатки леса на дрова и шпалы (впредь до появления нового модного товара), а в то же время будут, например, гнить и служить очагом заразы сотни тысяч десятин горелого леса, ибо..... нет хозяина.

Не мне судить, конечно, сумел ли я доказать тот тезис, который я все время имел в виду: в целях поднятия и упорядочения лесного хозяйства страны и для урегулирования взаимоотношений отдельных органов в этой области, необходимо срочное создание единого и самостоятельного высшего лесного органа республики. Во всяком случае, если я не сумел достигнуть цели, позвольте мне закончить тем, с чего я начал: по мере сил и разумения должны мы фиксировать внимание на этом кардинальном вопросе, от того или иного разрешения которого в значительной мере зависит судьба наших лесных богатств.

Основной закон о лесах в связи с новою экономическою политикою.

Доклад Т. В. НЕХОРОШЕВА.

I. Лес—государственная собственность.

В ряду главнейших причин, порождающих лесную разруху, одно из первых мест занимает неясное, сбивчивое определение в Основном Лесном Законе той формы владения лесом, которая установилась с отменою „всякой собственности на лес" по Основному Закону о социализации земли.

В соответствии с усвоенным в земельном законе принципом предоставления пользованиия землею трудовому народу, лесной закон об'явнл лес „общенародным достоянием" (ст. 2). При этом таковым „достоянием" были об'явлены не все леса, а только те, которые принадлежали частным лицам и обществам (ст. 2). Таким образом вопрос об юридическом положении казенных, удельных, кабинетских, казачьих и др. лесов обойден в лесном законе полным молчанием.

Затем, в лесном законе частновладельческие и общественные леса не просто об'явлены „общенародным достоянием", а еще „общенародным достоянием РСФСР". Это внесло еще большую неопределенность: стало окончательно неясным, чей же теперь лес: „общенародный" или РСФСР, т.-е. государственный?

Но, быть может, некоторым покажется, что не следует придавать особенного значения указанным редакционным неясностям и в крайнем случае можно бы ограничиться разработкой данного вопроса в юридической науке, не вынося его на общественное обсуждение. С таким взглядом, пожалуй, можно бы согласиться, если бы не те гибельные для лесов последствия, которые принесли эти редакционные неясности.

Сельское население поняло лозунг „лес—общенародное достояние" в том смысле, что леса, чьими бы они раньше ни были, отныне принадлежат уезду, волости, селу, каждому члену народа. На этом основании население начало само хозяйничать в лесу, вырубая его для себя, а нередко и на продажу, вне всякого плана, не считаясь ни с какими правилами. Усвоив по своему также еще и другой лозунг „вся власть на местах", население стало смотреть на лесную администрацию, как на своих приказчиков и начало смещать лесничих и стражу. Вскоре начались массовые порубки, и наступила лесная анархия почти повсеместно. В производстве Центрального Управления Лесами находится слишком много материалов, свидетельствующих о том, с какой разрушительной силой пронеслась эта анархия, несколько ослабевшая, но не прекратившаяся совсем еще и теперь. Многие лесные дачи просто „сме-

тены“ порубками. Зато в деревнях почти повсеместно можно видеть целые штабели дров и бревен, из-за которых иногда не заметно изб. Лесные материалы нередко лежат не только около домов, но и на улицах, площадях, на задворках. Это все „лесок про запас“.

Лесные эксцессы сопровождались весьма часто насилиями над персоналом лесничеств. Выселения из казенных домов, аресты лесничих сельскими властями стали обычным явлением.

Для устранения эксцессов и анархических выступлений населения принимались самые разнообразные меры в центре и на местах, вплоть до посылки воинских отрядов. Потребовалось даже издание особого воззвания Совнаркома от 5 апр. 1918 г., в котором раз'яснялось, что „все леса не составляют собственности ни сел, ни уездов, ни губерний, ни областей“. Но все эти меры не дали вполне удовлетворительных результатов. Трудно бороться с прочно укоренившимися понятиями в народе. По этим понятиям, в народном лесу может „по хозяйски“ распоряжаться всякий, кто состоит членом народа,

В виду нового курса экономической политики необходимо в первую очередь провести постановление о том, что лес—достояние государственное. Это внесет сразу ясность в отношения населении как к лесу, так и к обслуживающим его лесным работникам.

II. Полная оплата стоимости древесины.

Как следствие новой экономической политики, ныне установлено, что всякая услуга со стороны государства должна быть оплачиваема. При оскудении государственных рессурсов и слабом товарообмене, было бы в высшей степени нецелесообразно отказываться от извлечения из леса всех тех доходов, которые он может дать без излишнего, конечно, обременения населения.

Между тем, большая часть населения до настоящего времени, согласно 13—28 статьям Осн. Лесн. Зак., получает топливную и строительную древесину по весьма низкой корневой цене, без торгов, равно как и остальное население приобретает необходимые ему материалы также без торгов, по незначительной твердой цене. Поэтому представлялось бы необходимым указанные статьи Осн. Лесн. Закона о нормах пользований отменить; взамен же того постановить следующее:

1. Всем гражданам, а также кустарным, кооперативным и частным арендованным предприятиям продажа леса производится с торгов.
2. Оценка леса к торгам производится по твердым ценам.
3. Государственным предприятиям и учреждениям на нужды государства древесина отпускается по средним рыночным ценам.
4. Лес для удовлетворения хозяйственных потребностей беднейшего городского и сельского населения отпускается в размере установленных местною властью норм, по льготной цене, с оплатою таковой по сметам Собеза. Порядок установления норм и льготных цен определяется центральною властью.

В связи с этим подлежали бы отмене статьи 58 об учете древесины и 59—60 о выдаче местными общими органами советской власти удостоверений и ордеров на право получения древесины.

III. Свободная торговля лесом.

Основной Лесной Закон признал торговлю государственною монополией и воспретил перепродажу топливной и строительной древесины под угрозою конфискации ее и, сверх того, наказания виновных

(ст. ст. 10, 23, 25-28 и 100). Исключения допущены только для трудовых артелей, кооперации и коммун (ст. 24 и 96).

В том же законе предусмотрено образование специальных органов советской власти для заведывания операциями по разработке, транспорту и торговле лесом (ст. 43, пун. „б“).

С тех пор прошло более трех лет, а снабжение страны лесными материалами и топливом не вышло из состояния, близкого к катастрофическому.

Трехлетний опыт, кажется, уже вполне убедительно доказал, что без помощи частной инициативы тут дела не поправить. Как известно, органы Главлескома прибегли в некоторой степени к услугам частного лесозаготовительного аппарата, в виде разного рода подрядчиков, работавших на выданные им авансы. Но этой формы участия частной инициативы в лесных заготовках слишком недостаточно. Необходимо предоставить этой инициативе более широкое поле.

Если новая экономическая политика допускает сдачу в аренду имений, фабрик и заводов, т. е. дозволяет участие частной инициативы в этих отраслях сельско-хозяйственной и промышленной деятельности, то почему же запрещать ее в лесной промышленности? Аренда лесов, как ведущая неизбежно к хищническому лесоистреблению, осуждена лесной наукой и практикой и совершенно неприемлема для государства, но за то вполне уместно и целесообразно разрешить свободную куплю-продажу леса на сруб, а также заготовленных из него лесных материалов.

Необходимо вспомнить, что хотя частная лесопромышленность бездействовала за последние годы, но это еще не значит, что лесопромышленного аппарата не существует: он в значительной части уцелел и при благоприятных условиях может быть восстановлен.

Таким образом, следовало бы внутреннюю торговлю лесом об‘явить свободной, сохранив государственную монополию для заграничной торговли лесом и лесными материалами.

IV. Лесное образование.

На основании пункта „в“ ст. 9 и ст. 103 Основного Лесного Закона, поднятие уровня лесохозяйственных и лесных знаний лежит на обязанности центральной советской власти, которой предоставляется право открывать на государственный счет: а) курсы лесных техников, б) низшие и средние школы и в) лесные техникумы, академии и институты.

Когда в 1918 г. проходил Лесной Закон, тогда не только лесные, но и вообще всякого рода технические учебные заведения (институты путей сообщения, технологический, Петровская сельскохозяйственная академия и пр.) находились в заведывании каждое в соответственном ведомстве.

При издании Основного Закона не предполагалось передавать лесное образование в ведение Наркомпроса, о чем намеки можно извлечь из самого закона, напр. п. „б“ ст. 102 и ст. 105. Но некоторая недоговоренность в этом законе и общее стремление сосредоточить специальные учебные заведения в Главпрофобре привели к тому, что лесные школы с конца 1918 г. из‘яты из ведения Центрального Лесного Управления. Такую постановку дела нельзя не признать совершенно нецелесоответственною. Лесное образование для вполне правильной постановки его должно находиться в тесной связи с государственным лесным хозяйством. Нельзя забывать того, что в настоящее

время нет никаких других лесов, кроме государственных. Следовательно, подготовка лесных специалистов в учебных заведениях не может преследовать иной утилитарной цели, кроме привлечения их потом на службу в леса или по лесному делу. Поэтому нельзя отрывать школы от леса. Необходимо, чтобы учащийся чаще бывал в лесу, сживался с ним, со всею его обстановкою и со способами ведения хозяйства в нем.

Наделение учебных заведений лесными участками, как показал опыт, не вполне достигает цели. Так, напр., Ново-Александрийский институт сельского хозяйства и лесоводства, до преобразования его и передачи из министерства народного просвещения в ведение министерства земледелия, признавался неудовлетворяющим требованиям лесной службы вследствие дефектов подготовки, обусловливавшихся в значительной степени оторванностью от леса и от практики лесного хозяйства. Бывшая в распоряжении института лесная дача Руда была слишком недостаточна для научных и практических учебных целей. Другой пример: Лесотехническому институту, для правильной постановки дела преподавания, понадобилась обширная площадь лесов в сотни тысяч десятин.

То же самое еще с большим правом надо сказать относительно средних учебных заведений, которые ближайшею своею задачею имеют подготовку не столько самостоятельных работников, сколько исполнителей лесных заданий, даваемых лесными инженерами.

В отношении низших лесных школ дело еще очевиднее. Достаточно сказать, что и теперь, при сосредоточении лесного образования в Главпрофобре, все они помещаются в лесничествах, заведывают ими лесничие, которые вместе с своими помощниками являются и преподавателями. Самое изучение леса и лесного хозяйства ведется не столько сказом, сколько показом, так как в течение краткого двухлетнего срока пребывания в лесной школе воспитанника, недостаточно при том подготовленного, трудно и даже невозможно посвятить в таинства лесной науки.

Таким образом несомненно, что лесным образованием должно ведать Центральное Лесное Управление, а не Главпрофобр.

V. Лесные наделы.

В Основном Лесном Законе не содержится никаких постановлений относительно предоставления лесничим, товарищам лесничих и лесной страже наделов. Поэтому земельные участки, составлявшие прежде так наз. лесо-служебные земли, частью уже отобраны, а частью продолжают отбираться у указанных должностных лиц, для включения в земельный фонд и раздачи населению.

Значение лесослужебных земель несомненно, так как, благодаря им, является возможность для персонала лесничеств вести свое хозяйство и запасаться продуктами и фуражем, которых во многих местностях трудно приобрести у населения. Пайков администрация лесничеств не имеет.

В виду этого было бы желательно отводить в пользование лесничим, товарищам лесничих, канцелярским служащим, лесным инструкторам, лесным смотрителям, культурным надзирателям и сторожам, на все время их службы в лесничествах, земельные участки в размере не свыше пяти дес. каждому, с тем, что такие участки не могут быть сдаваемы в аренду.

Состояние лесного хозяйства Р. С. Ф. С. Р. в настоящее время (1921 г.)

Доклад Н. А. КУЗНЕЦОВА.

Учет лесов.

Последний учет бывших казенных лесов на 1 января 1916 г. дал общую их площадь в 361.541.017 дес.,[1]) каковая распределялась так:

	Лесная площадь в десятинах: общая.	удобная.
В Европейской России	108.697.363	86.451.373
На Кавказе	4.766.615	3.002.657
В Азиатской России .	248.077.039	126.160.628
Всего	361,541,017	215,614,718
	100%	59,6%

Какие же изменения внесла революция в результат этого учета?

Февральская революция 1917 г. прекратила существование удельных и кабинетских лесов, объявив их декретом временного правительства „государственной (национальной) собственностью". Таким образом 6.119.200 дес. лесов, бывших в заведовании уделов, и 26.668.146 дес. кабинетских земель в Сибири прибавились к площади бывших казенных лесов.

Октябрьская революция признала все леса, превышавшие в общей сложности 700 милл. дес., „общенародным достоянием" и тем уничтожила на них всякую собственность.

Переходим к учету лесов Европейской России в пределах советских республик, при чем исключим из нашего рассмотрения Украину и кавказские республики.

На 1-е января 1915 г. на площади, занимаемой в настоящее время советскими республиками, значилось казенных лесов—104.464.981 дес., в том числе удобной лесной почвы—83.064.612 дес. Учет всех национализованных лесов дает их общую площадь в 151.984.123 дес. и из этого числа удобной лесной—119.453.695 дес., т.-е. в Европейской России обращено быв. частновладельческих лесов в „общенародное достояние" 47.519.142 дес. и в них заключалось удобной лесной почвы 36.389.088 дес.

---

[1]) „Леса Республики", ст. 807 и 808.

Распределение всех лесов по экономическим областям следующее:

Наименование областей	Лесная площадь в десятинах.		Удоб. лес. площ. обл. составляют % от всей удоб. лесн. площади.
	Общая	Удобная.	
Крайний север	70.299.179*)	52 061.566	43,6
Приуралье	32.555.785	27.513.955	23,0
Приозерная	17.888.789	13.046.480	10,9
Белоруссия**)	4.370.866	4.048.540	3,4
Средне-Волжская . . .	5.396.926	4.635.526	3,9
Нижне-Волжская . . .	2.409.596	1.592.165	1,3
Центр-промышл	11.665.571	10.367.257	8,7
Центр. землед	4.608.247	4.108.012	3,4
Степная	357.500	302.000	0,2
Сев. Кавк. с Предкавк.	2.431.664	2.147.896	1,6
Всего	151.984.123 100%	119.453.695 78,5%	100%

Из таблицы видим, что крайний север, Приуралье и Приозерье включают в себя 77,5% всей удобной площади.

Ранее было отмечено, что все бывшие частновладельческие леса, об'единяя в этом понятии и удельные, и крестьянские, и помещичьи, и пр. леса, занимают 47,5 милл. дес. Эта площадь составляет почти одну треть (31%) всех лесов.

Распределение б. частновладельческих лесов по экономическим областям таково: на крайнем севере они занимают едва 6% лесной площади; здесь без преувеличения можно было бы сказать, что это одно сплошное и беспредельное царство казенных лесов. В Приуралье б. частновладельческие леса занимают уже 48%, в Приозерье—53%, Белоруссии—78%, на средней Волге—49%, нижней Волге—70%, в центрально-промышленной области—78% и в центрально-земледельческой—65%.

Следовательно, в средних и южных районах Европ. России б. частновладельческие леса отодвинули *по количеству занимаемой ими площади* казенные леса на второй план.

Вопрос о бывших крестьянских лесах необходимо выделить особо в виду возможного пересмотра отношения к ним в связи с „новой экономической политикой."

В пределах советских республик, исключая кавказские, б. крестьянские леса занимают общую площадь в 13.036.989 дес., при чем в Украине под ними 336.589 дес. Следовательно, быв. крестьянские леса занимают 8% от общей площади лесов.

Б. крестьянские леса в советских республиках подвергались неодинаковому воздействию лесных законов. В Р. С. Ф. С. Р. национализованы все быв. крестьянские лесные наделы, площадью 4.947.002 дес., и леса крестьянских обществ разных наименований—7.864.091 дес. В Украине не национализованы леса всех крестьянских обществ, но законом дано право национализовать те леса, которые имеют

---

*) Кроме того под тундрами 24.447.280 дес.

**) Минская, Витебская и Гомельская губ.

исключительное значение для всей Украины, а самая национализация производится не безвозмездно.

Отметим губернии, в которых крестьянское лесовладение занимало сравнительно крупные площади:

	Лесные наделы.	Кр. общ. разп. наимен.
Владимирская . . .	89.021 дес.	52.637 дес.
Вологодская	401.696 „	—
Воронежская	216.977 „	988 „
Вятская	743.870 „	175 „
Казанская	110.278 „	8.128 „
Костромская	422.306 „	482.065 „
Курская	69.323 „	1.732 „
Могилевская	—	203.632 „
Московская	111.969 „	28.598 „
Нижегородская . .	81.762 „	100.948 „
Новгородская . . .	44.654 „	2.293 „
Олонецкая	337.741 „	2.055.782 „
Оренбургская . . .	72.783 „	1.899.891 „
Орловская	33.447 „	8.499 „
Пензенская	95.209 „	—
Пермская	1.099.123 „	4.613 „
Петроградская . . .	46.061 „	1.741 „
Рязанская	73.795 „	111.664 „
Самарская	221.485 „	7.494 „
Саратовская	257.647 „	63.589 „
Смоленская	8.262 „	132.758 „
Таврическая	28.103 „	70.723 „
Тамбовская	114.739 „	17.533 „
Тверская	67.903 „	—
Уфимская	32.903 „	2.238.653 „
Черноморская . . .	—	156.952 „

В этом перечне обращают на себя внимание малолесные губ. со значительной общей площадью крестьянских лесов—971.506 дес: Саратовская, Самарская, Курская, Воронежская, Орловская и Таврическая.

Затем выделяются по величине абсолютной площади б. крестьянских лесов губернии: Олонецкая, Уфимская, Оренбургская, Пермская, Костромская и Вятская,[1]) в которых насчитывается этих лесов—9.389.292 дес.

Для дальнейшей характеристики всех лесов по экономическим областям остановимся на % лесистости (отношении удобной лесной площади к общей) и количестве десятин удобной лесной площади, приходящейся на душу населения.

И по лесистости, и по числу десятин удобной лесной площади, падающей на одну душу населения, выделяется область крайнего севера, а в ней особенно Архангельская губ., в которой на душу населения приходится по 65 дес. удобной лесной площади. На другом полюсе стоит область нижней Волги, с обширной безлесной Астраханской губернией в прежнем составе. Здесь % лесистости 2,4 и на душу населения приходится удобной площади по 0,21 дес.

---

[1]) Губернии взяты в прежнем составе.

Наименование области	% лесистости	Число дес. удобн. лесн. площади на одну душу населения
	Отнош. удоб. лесн. площ. к общей площади области	
Крайний север	61/45	24,3
Приуралье	44/37	2,4
Приозерье	58/42	2,7
Белоруссия	29/27	—
Средне-Волжск.	35/30	0,71
Нижне-Волжск.	2,4/1,6	0,21
Центр. промышл.	35 32	0,78
Центр. землед.	15/13	0,23
Сев. Кавк. и Предкавк. . .	11/10	—

Трактуя об учете лесов, нельзя умолчать о *защитных дачах*, к которым по основному закону о лесах причислены и водоохранные дачи, памятники природы и пр.

На 10 мая 1921 г. зарегистрирована 2121 такая дача общей площадью 1,396,706 дес., в том числе проектируются памятники природы в числе 46 дач, площадью 119,491 дес.

Рубки леса с расчисткой его на всей этой площади центром приостановлены, но не все дачи еще переведены официально в категорию защитных. Следует однако отметить, что органы, заготовляющие лес на государственные надобности, мало считаются с защитностью лесов.

В заключение „учета лесов“ нельзя обойти молчанием на конференции одного характерного факта из лесной политики Туркреспублики. Общая площадь лесов республики равна 28.249.250 дес., в том числе степных—21.706.924 дес.

Постановлением IX съезда советов Туркреспублики запроектированы к передаче кочевникам все степные леса, как будто бы „не имеющие ни лесохозяйственного, ни водоохранного, ни защитного значения.“ Таким образом саксауловые леса обрекаются на гибель, и в Туркестане оставляется в ведении лесного управления только 6.542.326 дес. лесов горных и тугайных. IX съезд советов Туркестана поставил себе исторический памятник, на котором огненными знаками начертаны слова: „не ведают, что творят.“ Представленные данные лесной статистики очень не полны. Отсутствие свода всех сведений о лесах вроде ежегодника лесн. депар. болезненно чувствуется при ведении лесного хозяйства. Последний ежегодник относится к 1914 г; краткие выдержки за 1915 г. были напечатаны в „Лесах Республики“ и с тех пор мы лишены новых данных по лесной статистике.

Организация управления лесами.

Леса бывш. Российской империи имели огромное число владельцев. Революция об'единила все леса, национализировав их. Отсюда, казалось бы, естественный вывод—одно лесное управление с единым планом хозяйства. Но жизнь вопреки рассудку решила иначе. Первую брешь в лесном хозяйстве пробил основной закон о лесах, отделив лесовыращивание и лесоустройство от жатвы леса на государственные надобности. В итоге создались: лесной орган при Наркомземе—Центральное Управление Лесов с губернскими лесными подотделами и лесничествами, а с другой стороны, при В. С. Н. Х. народился совсем новый орган—Главлеском с гублесскомами и проч. лесозаготовительным аппаратом. Несколько особняком работали лесескомы также по сводке леса.

Топливный кризис при отсутствии единой воли в лесном хозяйстве привел наши леса в полное расстройство. Правильное лесное хозяйство совершенно не укладывается в головах лесозаготовителей.

В дореволюционное время Лесной Департамент, ведая всем хозяйством в казенных лесах, имел на местах 27 губернских управлений и 880 лесничеств в Европ. России, занимаемой в настоящее время советскими республиками.[1]) Национализация всех лесов привела к необходимости организовать 50 губ. и облесподотделов и до 2.800 лесничеств.

Приводим для сравнения число лесничеств по экономическим районам на 1 января 1916 г. и на 1921 г.,

Наименование областей	Число лесничеств	
	на 1 ян. 1916 г.	на 1921 г.
Крайний север	123	195
Приуралье	160	518
Приозерье	109	341
Вятская и Гомельская гг.	27	167
Нижегородск., Симбирская гг. . . .	48	252
Нижняя Волга	50	155
Центральн. промышлен. обл. . . .	122	547
Центральн. земледельч.	130	445
Сев. Кавказ с Предкавк.	20	67
Всего	789	2734

т. е. число лесничеств пришлось увеличить почти в $3^1/_2$ раза. В области крайнего севера частных лесов было немного, там и увеличение числа лесничеств сравнительно слабое. В Витебской и Гомельской губ. национализована, большая площадь частновладельческих лесов, почему и пришлось число лесничеств увеличить в 6 раз. Затем должно отметить, что бывш. частновладельческие леса обычно не составляли компактных массивов, а состояли в большинстве из многочисленных мелких участков, раскинутых по всему пространству уездов и губерний. Это обстоятельство также вело к необходимости увеличивать число лесничеств.

---

[1]) При этом Украина в расчет не взята.

Насколько изменилась площадь лесничеств в силу увеличения числа их и площади лесов каждого района, показывает следующая таблица:

Наименование областей	Средн. площ. леснич. в десят.	
	1 ян. 1916 г.	1921 г.
Крайний север	573.743	360 508
Приуралье	99.636	62.849
Приозерье	78.586	52 460
Витебская и Гомельская гг.	13.033	12.018
Нижегород. и Спмбирск. г.г.	18.620	12.796
Нижне-Волжск.	14.459	15.546
Центр. промышл.	20.403	21.327
Центр. земледельческ.	10.714	10.355
Сев. Кавказ и Предкавказье	67.897	36.293

Указанное увеличение числа лесничеств в 3½ раза далеко не довело повсеместно среднюю площадь лесничеств до того размера, который необходим для установления „доброго лесного хозяйства", причем в областях центр.-промышленной, нижне-волжской, центр-земледельческой и Белоруссии средняя площадь лесничеств или несколько возросла, или уменьшилась на ничтожную величину. Увеличение числа лесничеств—настоятельно необходимая задача ближайшего времени, но исключительный недостаток технического персонала не позволяет развить эту меру.

Вот данные по 45 губ. на 1 февраля 1921 г. о недостатке квалифицированных сотрудников и лесной стражи:

Наименование должностей	Число лиц		
	по штату	на-лицо	недостает
Район. инспекторов	408	205	203
Лесничих	2.597	1.988	609
Тов. лесничих	3.901	2.715	1.186
Лесоустроителей	1.485	401	1.084
Мелиораторов	485	152	333
Инструкторов	12.835	11.312	1.523
Смотрителей	67.729	62.365	5.363

Возврат демобилизованных из армии лесных специалистов частью пополняет штаты, но с другой стороны значительный уход специалистов на родину—в Польшу, Литву, Латвию, Эстонию, отчасти в Украину, а в особенности в учреждения, хорошо оплачивающие труд специалистов, каковы Главлеском, Желескомы и пр. — не позволяет поднять число работников и в центре и на местах до штатного числа.

Главпрофобр дает ничтожные выпуски специалистов. Лесные школы пустуют за недостатком средств существования для учащихся, за отсутствием снабжения подпайками, одеждой и обувью.

Потребность в техническом персонале огромная, но даже и по штатам число квалифицированных техников (не считая Украины) должно быть 10.588 человек, а прочих сотрудников 123.311 челов.

Технический уровень специалистов неизменно падает вследствие ухода лиц с высшим образованием в уютную гавань лесозаготовительных организаций.

В довоенное время все почти лесничие в казенных лесах были с высшим лесным образованием, а в настоящее время они почти везде составляют меньшинство.[1])

Вот данные 1920 г. по пяти уральским губерниям:

	% лесничих с образованием:		
	высш.	средн.	начальн.
Пермская губ.	9	10	81
Екатеринбургская . .	5	10	85
Тюменская	9	1	90
Уфимская	24	12	64
Челябинская	15	12	73

В числе лесничих перечисленных губерний имеется значительный % лиц, не получивших никакого специального образования.

Процент лесничих со специальным образованием—высшим и низшим—таков:

В Пермской губ. 26%.
В Екатеринбургской губ. 25%.
В Тюменьской губ. 74%.
В Уфимской губ. 78%.
В Челябинской губ. 33%.

Слабый технический ценз лесничих угрожает нормальному развитию лесного дела на Урале, тем более, что нажим на леса весьма велик.

Приведем еще ряд сведений по образовательному цензу лесничих:

Губернии:	Специальное лесное %%		О б щ е е %%		
	Высш.	Низшее	Высш.	Средн.	Низш.
Рязанская	40	50	3	7	—
Тульская	42	58	—	—	—
Вологодская	24	61	2	13	—
Воронежская	60	40	—	—	—
Тамбовская	39	59	1	1	—
Московская	35	63	2	—	—
Тверская	23	58	10	7	2
Среднее из 7 губ. . .	37	56	3	4	

По приведенным 7 губ. в центре имеются сведения только о 65% лесничих, и надо полагать, что прочие 35% понизят уровень и специального и высшего образования.

Отметим причины отлива лесных специалистов с работы в Н. К. З. Этих причин несколько:

1) Тяжелое и невыносимое экономическое положение (низкая оплата труда, отсутствие у большинства земельных наделов, отсут-

[1]) На 1 января 1921 г. числе должностных лиц лесного ведомства, за исключением кондукторов, с высшим лесным образованием было 62,3% и с высшим общим-7,6%.

ствие продпайков, производственной одежды и обуви, лошадей для передвижения).

2) Вмешательство в работу ряда лиц и учреждений, последствием чего иногда было применение к отдельным специалистам высшей меры наказания. В отчете по одной губернии указывается на необходимость ограждения служащих от несправедливых, незаслуженных и вредных для дела арестов, обысков и издевательств, творимых отрицательными элементами, примкнувшими к правящей партии, и чеки, а далее делается вывод: „пока не будет устранен произвол — нельзя привлечь на службу и удержать ценных специалистов."

3) Принуждение в недавнем прошлом к заготовке своим личным трудом ежемесячно до 5 куб. саж. дров. Это возмутительное по существу и ни с чем несообразное требование можно сравнить только с рабовладельческим бичем, который дала власть в руки лесозаготовителей из Главлескома. И надо напомнить, что Главлеском стремился удержать этот бич в своих руках даже и тогда, когда Совнарком отменил это требование. Неисполнение требований о заготовке дров повело к многочисленным арестам специалистов, а в Саратовской губ. даже к приговору судом на 9 летнее заключение.

4) Неполучение своевременно кредитов, задерживаемых губземотделами.

5) Подчинение лесного хозяйства губземподотделам.

Положение лесной стражи не менее тяжелое.

Плохо оплачиваемая, невооруженная, неснабженная продовольственными пайками, прозодеждой, нередко выселяемая из лесных сторожек, она не может при таких условиях вести серьезную охрану. В центре имеется ряд телеграмм и докладов, угрожающих оставлением службы всей стражей при таких тяжелых условиях.

Необходимое вооружение не дает военное ведомство, не смотря на настойчивые и многократные просьбы.

В наделении стражи постоянными земельными наделами коллегия находит противоречие с законом о социализации земли. 30 августа Ц. У. Л. направило в Ц. К. Всеработземлеса проект положения о наделении стражи лесными полянами во временное пользование. Затем выработана инструкция лесным смотрителям и инструкторам, утвержденная Ц. К. Всеработземлеса; находится в печати.

Говоря об организации управления лесами, нельзя обойти молчанием происходившего в нескольких губерниях объединения, а правильнее говоря—поглощения, гублескомами гублесподотделов (Тульская, Тамбовская, Архангельская, Череповецкая и др. губ.) По существу такое объединение всего лесного хозяйства в едином губернском органе имеет за себя много данных, но когда это объединение совершается под флагом лесозаготовок, поглощающих все отрасли лесного хозяйства в интересах данной минуты, когда хозяйство превращается в безудержную хищническую сводку леса, когда лесничие-специалисты превращаются в простых подручных прикащиков, ведающих только уничтожением лесов, тогда такое объединение—величайшее зло.

По ходатайству Ц. У. Л. Всер. Центр. Исп. Ком. отменил постановление губисполкомов и признал подобное объединение несвоевременным.

Лесоустройство.

После октябрьской революции Центральное Управление Лесов получило в свое заведывание огромную лесную площадь, на которой необходимо было организовать правильное непрерывное хозяйство.

Состояние всех лесов и хозяйство в них было крайне разнообразное.

На 1 января 1916 г. из числа казенных лесов было устроено, исследовано и обревизовано только 40% общей их площади, а именно:

устроенных лесов	37.346	тыс. дес.
исследованных лесов	102.948	„ „
обревизованных лесов	6.082	„ „
Итого . . .	146.376	тыс. дес.

А если исходить из площади в 536 милл. дес., намеченной для устройства в двадцатилетие с 1909 г., то бывшее устройство и обследование охватило только 27% площади. Таким образом бывш. казенному лесному управлению перед революцией еще очень далеко было до того момента, когда лесное хозяйство в нем стало бы на твердую почву.

В кабинетских лесах было устроено 5 милл. дес. и в уделе были устроены почти все леса, исключая немногих мелких лесных дач, не имеющих серьезного хозяйственного значения.

Революция влила в „общенародные" леса только в Европ. России до 47.5 милл. дес. лесов, бывших ранее в частном владении.

Война нанесла тяжкие удары лесному хозяйству в районах с наиболее ценными лесами. Уже в период империалистической войны рубились лесосеки за много лет вперед с нарушением всякого плана хозяйства.

После октябрьской революции необходимо было принять все леса лесному управлению в свое заведывание и привести их в известность, хотя бы самым беглым обследованием, установив в них рубку по состоянию насаждений и указав места рубок на ближайший ревизионный период.

В силу этого лесное управление вырабатывает „инструкцию по составлению общенародного фонда," утвержденную коллегией Н. К. З. 12 мая 1918 г., и по ней начинает производиться прием б. частновладельческих лесов. Работа на местах показала ее сложность и недостаточную практичность и фактически прием был упрощен.

Еще ранее были выработаны „Правила учета и описания б. частных лесов," утвержденные 23 апреля 1921 г. Лесоустроительный съезд 1919 г. внес некоторые поправки в правила.

Предполагалось весной 1918 г. закончить и прием, и учет лесов в один полевой период, но этим предположениям не пришлось осуществиться.

Все леса Р. С. Ф. С. Р. в настоящее время находятся в руках лесной администрации, разделены на лесничества, объезды и обходы. На 1 октября, по неполным поступившим сведениям, описано лесов по правилам 23 апреля 1918 г. 12.408.243 дес.

Острый топливный кризис отодвинул на второй план эту весьма серьезную работу.

Лесоустроительным и административным органам в 1918 г. была поставлена другая срочная и неотложная работа—это отвод пятилетней дровяной лесосеки для разработки на государственные надобности в пределах 15 в. полосы с обеих сторон железнодорожных и водных путей сообщения и кроме того одногодичная дровяная и строевая лесосека для сельского населения. Такое задание повсюду резко нарушает частный план хозяйства, а в следующие годы и

общий. Вся сумма площади годичных лесосек была придвинута к путям сообщения.

Небесполезно теперь, после трех лет, вспомнить постановление съезда топливных организаций при В. С. Н. Х. в 1918 г. по вопросу о лесосеках. Было постановлено: „из'ять дело распределения лесных площадей из ведения Коммиссариата Земледелия, передав его в отдел топлива губсовнархозов; допустить начало разработки немедленно, не ожидая разрешения отвода площадей; разрешить рубку лиственного леса в пределах двадцатилетней нормы; при отделах топлива организовать особые партии." Вообще сразу В. С. Н. Х. был взят неверный тон, который и должен был привести русские леса к разгрому.

В следующий 1919 г. отводится по декрету С. Н. К. 3-х летняя строевая и дровяная лесосека в 10 в. полосе вдоль железных дорог и сплавных путей.

В 1920 г. двухулетняя строевая и пятилетняя дровяная лесосека в 15 верстной полосе вдоль дорог и сплавных путей примерно на площади до 1 милл. дес.

В 1921 г.—отвод строевой и дровяной лесосеки на площади, достаточной для выработки 3 милл. к. с. лесоматериалов и 10,5 милл. к. с. дров, всего 13,5 милл. к. с. с добавлением 20%.

Во все годы отводилась и лесосека для сельского населения как строевая, так и дровяная.

Эти работы составляли главную заботу лесоустроителей и местной администрации.

В текущем году, правда с большим запозданием, лесоустроительными партиями Архангельской, Вологодской и Северо-Двинской губерний, а также партией Д. М. Зайцева начаты обследовательские работы в лесах Архангельской, Вологодской, Северо-Двинской и Мурманской губерний, Корельской Трудовой Коммуны и автономной области Коми (Зырян). Цель работ—установить главные основания общего и частного плана хозяйства в северных лесах, имея в виду возможность перехода в них к сплошным рубкам, когда постройка заводов химической и механической переработки древесины потребует не только пиловочника, но и мелких сортиментов.

Для этих работ междуведомственной изыскательной секцией при Научном Совете Г. Л. К. была составлена особая инструкция. Работами в ближайшие 2—3 года намечено охватить площадь в 24.849 тыс. дес.

Более подобно укажем места работ в 1921 г.

Архангельская экспедиция работает в Устьцильменском районе и Холмогорско-Пинежском, всего на площади 1.981.669 дес. Согласно намеченному плану должны быть выполнены камеральные работы по обоим участкам, а полевые только по второму текущей осенью.

Вологодская экспедиция работает в районах: Мошинско-Лепшинском, Устьяно-Шангальском, Уфтюгском и Северо-Двинском на площади 3.100.000 дес. В осенний и зимний период должны быть закончены камеральные работы и приступлено к полевым. Затем также должны быть выполнены камеральные работы в Тотемском и Нюксенско-Богоявленском—558.229 дес.

Северо-Двинская экспедиция приступает к работам в Удорско-Важском районе площадью 1.620.000 дес.

О работах Д. М. Зайцева в Ц. У. Л. сведений нет.

Общее расстройство лесов хищническими рубками, пожарами, самовольными пользованиями, уничтожением молодняков, нерациональной пастьбой крестьянского скота вызвало настоятельную необходимость в беглом, почти рекогносцировочном, обследовании лесов в течение одного лета на площади до 36 милл. дес. в средних и южных губ. по преимуществу. Цель осмотра—определение размера ежегодного пользования и выяснение мест рубок на ближайшие годы.

Для детальной разработки этой задачи была созвана весной текущего года лесоустроительная конференция, которая и выработала все основания предстоящей работы.

К сожалению Совнарком задержал рассмотрение проекта декрета по этой работе и не признал ее ударной, чем беспорно очень значительно сбавил темп работ.

Тем не менее работы производятся, при чем частью на средства Главлескома.

До 25 октября получены о ходе работ следующие неполные сведения:

Витебская	70.000	дес.
Воронежская . .	53.832	„
Калужская . . .	2.514	„
Московская . . .	251.625	„
Марийская обл. .	229.000	„
Гомельская . . .	86.229	„
Новгородская . .	21.000	„
Петроградская .	80.351	„
Псковская	9.129	„
Тат. республика	240.000	„
Тульская . . .	26.757	„
Череповецкая .	318.181	„
Чувобласть . .	193.000	„
Ярославская . .	22.896	„
Итого	1.574.514	дес.

По остальным губерниям сведений не поступало.

Отметим, что с'езды лесоустроителей в центре бывают по весне ежегодно. Доклады с мест рисуют яркую картину хищнической рубки лесов.

Эксплоатация лесов.

Империалистическая война не могла не отразиться весьма сильно на ведении правильного лесного хозяйства в стране.

Большая площадь лесов на западе быстро стала театром продолжительных военных действий. Вековые леса подвергались разгрому как от артиллерийского обстрела, так и главным образом от рубки без всякой, конечно, системы для постройки окопных блиндажей, помещений для жилья, для устройства военных бревенчатых дорог на почвах с болотистым и мокрым грунтом и для топливных потребностей фронта на громадном протяжении; армии противников усиленно эксплоатировали занятые ими лесные площади в Европ. России, проводя подъездные пути к лесам, устраивая здесь лесопильные заводы, используя материалы не только для военных надобностей, но и отправляя значительное количество их внутрь Германии.

Прифронтовая полоса от Балтийского моря до южных границ Подолии сделалась также объектом усиленных рубок леса для весьма многообразных нужд армии. Здесь работали и полувоенные организации, и частные лесопромышленные аппараты. Наконец, и в глубоком тылу армии предоставлена была поставщикам военного ведомства вырубка громадного количества березы, дуба, ясеня и пр. для заготовки ружейных болванок, ободьев, ступиц, частей аэропланов и т. п. Все эти рубки резко нарушали установленные планы лесного хозяйства.

В дальнейшем прекращение доставки каменного угля из-за границы и Домбровского района вызвало необходимость разрешения усиленных лесозаготовок для снабжения древесным топливом железных дорог, фабрично-заводских предприятий и вообще населения, особенно городского.

Западным железным дорогам в первую же очередь пришлось предоставить 10 годичных дровяных лесосек вдоль железно-дорожных линий с полным отступлением от планов хозяйства; но и этой площади оказалось недостаточно и была отведена для рубки дополнительно значительная лесная площадь казенных лесов с откомандированием большого числа техников лесного ведомства для лесоразработок.

Для ослабления дровяного кризиса в стране из казенных лесных дач был разрешен первоначально отпуск трехлетней лесосеки, а затем и семилетней.

Из частных лесов были разрешены вырубки десятилетней лесосеки.

Особые льготы были предоставлены с целью ослабления топливного кризиса в Поволжьи, куда устремилась значительная волна беженцев с запада.

Наконец, была усилена хозяйственная разработка леса Лесным Департаментом, а также развиты работы по снабжению военного ведомства продуктами сухой перегонки дерева.

Ко времени начала революции Лесной Департамент имел в своем распоряжении свыше 30 лесопильных заводов и более 150 различных простых и комбинированных механических установок; для водного транспорта лесных грузов имелось до 40 паровых и моторных судов и непаровой флот с грузоподъемностью до 15 милл. пуд.; для сухопутной перевозки имелись ширококолейные и узкоколейные подъездные пути и вполне оборудованные лошадиные, бычьи и автомобильные обозы.

Следует отметить, что в последний год перед революцией организационные расходы по лесозаготовительным операциям б. Лесного Департамента не превышали 3%.

Хозяйственные разработки лесного ведомства, обслуживая нужды страны в лесных материалах, имели в то же время и другое положительное значение с лесохозяйственной точки зрения.

Возвратимся к 47,5 милл. дес. б. частновладельческих лесов, которые в средних и южных губерниях составляют от 48 до 78% общей площади лесов. В этих лесах спелым дровяником считался лес в 30 л., дубовый в 40 л., а хвойный строевой лес признавался спелым уже в 60 л.

Таким образом разрешенная во времена царизма рубка 10 летней, а иногда и 15 летней, лесосеки уничтожала единовременно третью часть лесной площади. А потому за этот период войны были

сведены миллионы дес. частновладельческих лесов, значительно тем обезлесив районы средней и южной России.

Революция не только не уменьшила топливного кризиса в стране, но напротив того он обострился значительно сильнее в период гражданской войны, когда мы были отрезаны от кавказской нефти и донецкого каменного угля; но и в дальнейшем и Кавказ, и Донбас не могли восстановить своей прежней производительности, и для всей России единственным топливом остались дрова.

В до-военное время в техническом потреблении дровяное топливо играло слишком малую роль (в переводе на уголь 15%). Теперь же железные дороги и промышленные предприятия перешли все на дрова.

Потребовалось, особенно в средней и южной России, вырубать на государственные надобности, на нужды сельского населения ежегодно по нескольку годичных лесосек, уничтожая тем не только спелый и приспевающий лес, но и средневозрастный.

Это только одна сторона рубок на потребу государства—количественная. Другая сторона, пожалуй, не менее вредна. Рубки сосредоточивались вдоль сплавных путей, именно в тех насаждениях вдоль берегов рек, которые нельзя не назвать водоохранными. Оголяемые от леса склоны берегов быстро размывались, покрывались сетью промоин, а затем и действующих оврагов, выносивших огромные массы песку и гравия в русла рек и речек, засоряя их и образуя в форватере рек перекаты и мели.

Подобная вырубка, конечно, сильно удешевила подвоз леса и сплав его к местам потребления, но она бесспорно имела и огромное отрицательное значение, которое не замедлит в ближайшие же годы развернуться во всей своей стихийной силе.

Вырубки лесов в одно-двух-верстной полосе железных дорог потребуют во первых создания снегосборных полос и, во вторых, удорожат в последующие годы стоимость подвоза бревен, шпал и дров, особенно в связи с безкормицей, ослабившей конский состав и качественно, и количественно.

Кроме легальных рубок, правда рубок бессистемных, я бы сказал, явно хищнических и безобразных, когда лесозаготовители рубили в дрова строевой, поделочный, шпальный и даже мачтовый лес (напр. по берегу реки Жукопы в верховьях Волги), есть еще самовольные рубки, производимые обычно сельским населением. Революция дала как бы сигнал к походу на леса всего крестьянского населения. В первую голову затрещали под топором крестьянина б. помещичьи и б. купеческие леса, которые в начале революции считались как бы бесхозяйственными, а затем вскоре крестьянин осмелел, и самовольная рубка перекинулась и в бывшие казенные леса. Этими рубками расстроены многие леса до неузнаваемости.

Рубки эти носят обычно массовый характер. Рассказывают, что во многих районах за штабелями самовольно-заготовленного леса не видно крестьянских построек.

В период революции претензии крестьян к лесу необычайно возросли.

Засуха, захламленность лесосек остатками заготовок и летняя рубка леса имели своим последствием колоссальные лесные пожары, уничтожившие в общем миллионы десятин леса.

Подводя итоги сказанному, мы должны открыто заявить, что *уже стоим перед надвинувшимся на нас обезлесением средней и южной России.*

В каком состоянии находятся наши леса, иллюстрируем несколькими примерами.

В *Воронежской* губ. из 420 тыс. дес. леса к 1921 г. имелось вырубок и молодняков—67%, средневозрастных насаждений—24% и спелых—9%. Три четверти лесов губернии составляют б. частновладельческие леса, средний возраст которых в настоящее время 10 л. при большой площади затравленных вырубок.

В *Орловской* губ. лесная площадь равна 96.645 дес., следовательно губерния совсем малолесная, а между тем рубки на государственные надобности ведутся. Молодняки и пустыри занимают 64%, средневозрастные 24% и спелые 12% лесной площади. Местами рубится лесосека 1982 г., т. е. мы зарубились вперед на 61 год.

В *Псковской* губ. спелого леса только 4,2% при 44% необлесившихся пустырей. В уездах Псковском, Островском и Опочеком местное население пострадало сильно от военных действий и тем не менее оно удовлетворяется лесом только на $^1/_3$ своих потребностей.

В *Тульской* губ. вырубки последних лет представляют пустыри, затравленные скотом, площадь их до 20%, молодняков 50%, средневозрастных 20% и спелых 10% лесной площади.

В *Саратовской* губ. чрезмерные рубки обратили 65% лесной площади или в пустыри, или в лучшем случае—в молодняки, затравленные пасущимся на них скотом. При лесозаготовках безпощадно сводились защитные леса. Население в ряде уездов не могло удовлетворить своей потребности в лесе. Так, в Балашовском уезде было удовлетворено только 5% потребности населения, в Сердобском 7%, Аткарском 11% и т. д.

В *Нижегородской* губ. в уездах Арзамасском, Сергачском, Княгининском и частью Нижегородском леса совершенно опустошены и расстроены вырубками. Древесина использовалась в высшей степени нерационально.

В *Рязанской* губ. из 775 тыс. дес. удобной лесной площади спелого и приспевающего строевого леса 31 тыс. дес. и дровяного 44 т. дес., т. е. в общем несколько менее 10%; площадь вырубок последних трех лет равна 88 тыс. дес., гарей 134, 6 тыс. дес. В общем безлесная площадь дач (старые и новые вырубки и гари) составляет 50%. Того, что принято называть хозяйством, докладывает на съезде 1921 г. заведыв. лесоустр., в губернии нет.

В *Витебской* губ. за последние годы вырублено 164.773 дес. лиственного леса, что составит 74% спелых; хвойных вырублено 31.027 дес. или 51% спелых. 70 тыс. еловых экспортных бревен с 1920 г. лежах в дачах неошкуренными—уже повреждены короедами и дровосеками.

Глубокое расстройство лесного хозяйства охватило почти все южные и средние губ. Европ. России. Существующие планы лесного хозяйства совершенно не отвечают действительному состоянию лесов и все леса должно признать неустроенными.

Приходится констатировать, что при подобном состоянии наших лесов *производительность их не может удовлетворить потребности всей страны в лесе*, тем более, что она значительна возросла. Потребление дров на железных дорогах и в промышленности достигало:

в 1916 году 25%, 1918 г.—53% и 1919 г.—86% от общего количества потребленного на эти нужды топлива. То же приходится сказать и о наших крупных центрах, напр., Москва потребляла дров

в 1913 г.—28%, 1917 г.—45% и 1920 г.—80% от общего количества своего потребления.

Заготовка 950 т. куб. с. дров в зиму 1921—22 г. г. явится последним ударом для лесов Моск. губ. и в них уже ничего не останется для рубки в последующие годы.

Глубоко знаменательно, что даже в оффициальном органе Г.У.Т. „Топливное Дело" Н. Покровский пишет: „нельзя забывать, что без преобладания в техническом потреблении каменного угля, в первую очередь донецкого, невозможно оздоровить топливное хозяйство страны и вывести его из состояния почти хронического топливного голода; без оздоровления топливного хозяйства бессмысленно расчитывать на улучшение и вообще народного хозяйства в целом". Тогда как еще минувшим летом для „Экономической Жизни" был совершенно неприемлем мой вывод, что базировать хозяйство только на дровах нельзя и без донецкого угля и нефти года через два наши дороги станут, а фабрики и заводы перестанут дымить.

Недостаток времени не позволяет мне остановиться хотя бы бегло на многих интересных деталях эксплоатации лесов.

Остановлюсь только на недорубах Главлескома и трестах.

Для государственных надобностей каждый год Совнаркомом, а в дальнейшем С. Т. О., назначалось к отводу по несколько годичных лесосек строевых и дровяных. Во все годы Главлеском проектировал такой размер своих заготовок, который он в действительности выполнить не мог. Имея же в своем распоряжении большой лесосечный фонд в разных губерниях, Главлеском чаще всего именно в лесистых губерниях и не выполняя наряда, требуя в то же время дополнительных отводов в малолесных губерниях то для нужд жел. дорог, которые вот-вот остановят движение поездов, то для лесопильных заводов, которым необходимо выполнить определенный наряд и т. п.

Благодаря этому на малолесные губернии и ложилась непосильная задача удовлетворять государственные потребности в лесе. Так напр., в лесистой Костромской г. предоставлялось органам Главлескома от 75 до 83 тыс. дес. лесосек для рубки в год, а разрабатывалось около 15 т. дес. В Брянской губ. из 57.741,72 дес. вырублено и вывезено было 8%; вырублено, но не вывезено—12%; начато рубкой —40%, не начато—28% и не взято лесорубочных билетов—12%; таким образом на 1 января 1921 г. более половины площади лесосек было свободно от рубки.

Скажем два слова о „трестах", на которые возлагается столько самых пылких надежд. Леса нашего крайнего севера на площади в 24 милл. дес. должны будут предоставить свои лесосеки для использования „Северолесу"; затем говорят о нескольких трестах по Волге, Днепру, на Кавказе, говорят о трестах объединенных вырабатываемыми продуктами, напр., фанеро-трест... Короче, вся Европ. Россия, где еще уцелели от погрома последних лет наши леса, покростся трестами, как водяная поверхность покрывается пузырями во время дождя... Производится в лесном деле огромный опыт, при чем лицеден его (члены правлений и пр.) ничем не рискуют, т. к. все дело будет вестись за государственный счет без права контроля кем-либо в течение выполнения трестом утвержденного производственного плана.

Сильные политическими связями и государственными деньгами тресты явятся такими монополистами в своих районах и будут так давить на лесное хозяйство в интересах сегодняшних задач треста, что в лесном деле не останется места даже для тени сколько-нибудь

правильного лесного хозяйства, заб отящегося об интересах не только настоящих, но и будущих поколений, и только, может быть, общая разруха не позволит развернуться вовсю хищническому уничтожению уцелевших еще лесов.

Последней новеллой в эксплоатации лесов является постановление СТО от 4/XI. Сущность его сводится к усилению самозаготовок, при чем Глав. Управ. по Топливу в начавшийся лесорубочный период само будет заготовлять вместо 13 милл. к. с. дров и лесоматериалов только 6½ м. к. с. Наркомзем обязан ему передать весь лесорубочный фонд, назначенный для государственных надобностей, т. е. 1 милл. дес. Правда, предусматриваются в этом фонде частичные изменения, но обращаю внимание, что часть этого фонда, а какая неизвестно, пустится ГУТ-ом в вольную продажу с целью подкрепить топливные органы средствами для разработки лесосек. Здесь упущен простой арифметический рассчет: чтобы заготовить и вывезти напр., 5 м. к. с. дров для государственных надобностей, надо продать или предоставить лесозаготовителям за работу по крейней мере 50 м. к. с. дров на корне, а при нынешних ценах на рабочие руки, вероятно, и того больше. Затем эта вольная продажа леса при отсутствии у ГУТ-а соответствующего аппарата на местах будет проделана неудовлетворительно. Н. К. З. для продажи леса с корня и для наблюдения за ходом разработки леса и его вывозки имеет аппарат в числе свыше 100 тыс. челов. Такая продажа ГУТ-ом, создавая вмешательство одних органов власти в компетенцию других, кроме сумбура и безобразия на местах ничего не создаст.

Затем эта новелла имеет еще одну опасную сторону. Губернские органы по топливу имеют право запрещать местному населению производить заготовку дров и лесных материалов до выполнения им очередного лесного наряда на лесные разработки для государства.

Считаю эту меру слишком жестокой и бесчеловечной в наши студеные зимы. Эта мера выразится усилением и без того огромных самовольных порубок, а наша безоружная стража и лесничие рискуют подвергнуться насилию.

Лесокультурные работы.

В довоенное время и в начале войны лесокультурные работы в казенных лесах велись в следующих размерах:

	1913 г.	1914 г.
Воспособл. естеств. облесению на	2.275 дес.	2.063 дес.
Производ. новых культур на	63.352 „	53.911 „
Подготовка почвы под будущ. культ. . .	14.752 „	4.594 „
Уход за культурами на	100.488 „	89.045 „
Дополнение прежн. культур.	34.819 „	36.388 „
Сбор семян:		
Собран. и приобрет. шишек хвойн.	715.219 чвр.	668.937 чвр
„ „ дубовых желуд. . . .	22.845 „	53.275 „
„ „ проч. пород	108.976 ф.	169.818 ф.
Очищено мест рубок сплошн.	46.046 дес.	43.812 дес.
„ „ „ выборочн.	198.204 „	188.416 „

Из сравнения работ 1913 и 1914 г. г. видно, что война уже начала сказываться сокращением некоторых категорий работ.

Хотя лесные культуры в довоенное время и велись на всем пространстве казенных лесов, но получили они широкое развитие только на юге, западе и в Прибалтийских губерниях. Так, в 1913 г. 42% новых культур приходятся на указанные районы, составляющие сравнительно малую часть России.

После революции в состав государственных лесов средней и южной России, по преимуществу, прибавилось 47,5 милл. дес. истощенных неправильным пользованием бывш. частновладельческих лесов.

Рубки во всех лесах, особенно в годы революции, ведутся в огромных размерах, далеко превышающих их состояние. Выпас деревенского скота, ввиду раннего взмета паровых полей, повел к потравам молодых лесосек и лесных культур, превратив их в безнадежные пустыри для естественного лесовозобновления. Площадь из-под леса, нуждающаяся в лесокультурных мероприятиях, измеряется миллионами десятин.

Выше было отмечено падение лесокультурных работ при сравнении 1913 и 1914 годов, но это падение еще будет сильнее, если всмотреться в работы после 1914 г. до 1918 г.

Так движение заготовки семян на складе Вятского лесничества выражается следующими цифрами:

Годы	Приход	Расход	Остаток
1912	—	—	2.440 ф.
1913	11.014 ф.	11.281 ф.	2.223 „
1914	22.568 „	10.204 „	14.587 „
1915	492 „	12.179 „	2.900 „
1916	2.463 „	164 „	5.199 „
1917	32 „	1.072 „	4.159 „
1918	0 „	397 „	3.762 „

Империалистическая война, мобилизовав для военной службы многих лесных специалистов и сельских рабочих и требуя огромных расходов, постепенно сводила почти на-нет все лесные культуры; последующая революция не только не улучшила лесокультурного дела, но в силу целого ряда причин она подводила их к нулю.

Лесокультурное дело—воссоздание уничтоженных и уничтожаемых в больших размерах лесов—советская власть не признавала делом первостепенной и исключительной важности, делом неотложным, ударным. Мы не могли добиться поэтому снабжения работников лесокультурного дела продпайками; сумма дензнаков на лесные культуры обычно урезывалась при рассмотрении в междуведомственных совещаниях финансовой годичной сметы. В силу высказанного вполне естественно, что рабочие к нам не шли. Рубль в своей стоимости необычайно быстро падал, сметы на расходы, составленные за полгода до производства работ, оказывались непригодными для исполнения.

Вырубаемые лесосеки органами Главлескома были завалены остатками заготовок; при таких условиях нельзя было рассчитывать на естественное лесовозобновление. Захламленность вырубок при наличии исключительной засухи последних лет повела к массовым пожарам, при чем иногда выгорало в одном массиве до 300 тыс. дес. (Чув-и Мариобласть) весьма ценных сосновых боров.

В 1921 г. с 1 апреля по 1 сентября было зарегистрировано в Центр. Упр. Лесов 6187 случаев лесных пожаров на площади 730.710 дес. Огнем уничтожено 13.932 куб. саж. заготовленных дров и 54.340

бревен и шпал. Действительный убыток стране от лесных пожаров, вероятно, больше, т. к. места недостаточно аккуратно представляют отчетные сведения.

На очистку лесосек стали теперь смотреть не как на лесокультурную меру, а как на противопожарную.

С 1 апреля по 1 сентября 1921 г. очищено от остатков заготовок 72.196 дес., в том числе лесничими 47.639 дес., а лесозаготовителями остальная площадь—24.557 дес. Таким образом очищенная от захламленности площадь лесосек представляется ничтожной по сравнению с площадью ежегодно вырубаемых лесосек.

В коллегию Н. К. З. внесен проект постановления С. Т. О. и инструкция о проведении работ по очистке лесосек.

Свод анкеты Ц. У. Л. по выяснению дела показывает, что на 15 января 1921 г. в 27 губ. было 136 семеносушилен с максимальною производительностью в 118.272 ф. семян. Наличный запас семян был таков: сосновых—21.577 ф. и еловых 26.698 ф., шишек сосновых 9.592 четвер. и еловых—4.126 чвр.

На 1 июля 1921 г. осталось семян в фунтах: сосны—4060 ф., сли—3.508 ф., дубовых желудей—327, березовых семян 54 ф., ольховых—77 ф., ясеневых—60 ф., липы—364 ф., клена—90 ф., акации белой—40 ф., акации желтой—8 ф., яблони—139 ф., груши—23 ф., боярышника—14 ф.

На анкету о возможном сборе в 1921 г. семян разных пород и о потрености в них ответили 941 лесничий. Общая сводка этой анкеты такова:

	Хвойн. сем.	Дубов. жел.	Прочих пород
Возможный сбор	214.803 ф.	74.967 чвр.	83.211 ф,
Потребность	166.161 „	26.814 „	27.777 „

Интересно разбить результаты этой анкеты по районам.

Возможный сбор.

Потребность лесничеств.

	Хвойн. сем.	Дуб. желуд.	Прочих пород.
Крайний север .	8.267 ф.	— чвр.	232 ф.
	2.300 „	— „	„ „
Приуралье . . .	15.830 „	100 „	1.010 „
	15.690 „	200 „	— „
Приозерье . . .	34.307 „	— „	1.552 „
	39.378 „	10 „	920 „
Средняя Волга .	10.010 „	6.839 „	6.207 „
	21.214 „	3.778 „	685 „
Нижняя Волга .	8.049 „	11.347 „	10.038 „
	3.333 „	1.271 „	3.858 „
Центр. промыш.	112.820 „	2.668 „	11.366 „
	66.333 „	1.105 „	8.633 „
Центр. земледел.	18.051 „	17.068 „	22.814 „
	16.907 „	17.071 „	7.932 „
Сев. Кавк и Предк.	1.080 „	34.075 „	23.752 „
	25 „	1.240 „	3.694 „

Если жизнь в стране хоть сколько-нибудь наладится, а производительным работам в лесном деле будет предоставлено должное место, то Ц. У. Л. предстоит градиозная задача оживить и возвратить лесному фонду миллионы десятин пустырей, вырубок, гарей, сыпучих песков и тем восстановить плодородие с. х. угодий.

Вопрос о создании семенного древесного фонда вносится в С. Т. О. Существенным условием серьезного развития лесокультурного дела является организация семенного дела. Необходима планомерность в сборе семян, необходимо знание происхождения семян, чтобы не производить высева семян на лесокультурных площадях семенами из другого климатического района.

Опытные лесничества должны будут установить границы этих районов. Сбор семян децентрализуется и производится в каждом лесничестве как для своих надобностей, так и для надобностей (по указанию центра) других лесничеств, лесомелиоративных округов и для обсадки железных дорог снегосборными полосами.

Объединяющим аппаратом явится учреждение семянного бюро при Ц. У. Л. Бюро руководит семенной операцией. В нем стекаются сведения о видах на урожай и запросы с мест о потребном количестве семян. Бюро дает заказы по сбору семян. Оно же выписывает древесные семена из-за границы для опытов акклиматизации.

Руководствуясь сведениями с смест, запроектированы на 1921 г. лесокультурные работы в следующих размерах:

Очистка мест рубок на . . 450.000 дес.
Сбор семян хвойных . . . 6 милл. фунтов
Дубовных желудей . . . . 120.000 фун.
Посев и посадка на . . . 32 тыс. дес.
Работы в питомниках на . 2 милл. кв. с.

Обращено внимание на постройку семяносушилен, уход за культурами и пр.

О выполнении сметы сведений еще нет.

Неустойчивость курса рубля, отказ Наркомпрода премировать лесокультурные работы, позднее утверждение сметы и вследствие этого запоздание в разассигновании кредитов в полной мере на места, а также недостаток дензнаков—вот неблагоприятные условия для развития в должной мере лесокультурных работ.

Развитие мер к поднятию лесокультур станет твердо на ноги только тогда, когда Ц. У. Л. будет иметь в своем распоряжении особый фонд на улучшение лесного хозяйства, выделяемый в определенном проценте из поступающих доходов от продажи леса и побочных в лесах пользований. Из такого забронированного за Ц. У. Л. фонда можно своевременно черпать средства на производство работ.

Мелиорации.

Нам остается остановиться еще на мелиорации, имеющей весьма крупное значение не только в лесном хозяйстве, но и в общем хозяйстве страны.

На севере—это осушка лесев, страдающих от избытка влаги, и расчитка речек как для целей выгонки и сплава леса, так и для осушки лесонасаждений; на юге—облесение и укрепление песков и оврагов. И по первым, и вторым работам будут специальные доклады на конференции, поэтому здесь вкратце отметим толко некоторые стороны дела.

Империалистическая война, как и в лесных культурах, вызвала резкое сокращение размера песчано-овражных работ, особенно в первый же год, когда они упали до 35%.

С 1914 по 1916 г. включительно были произведены следующие работы:

Засажено и засеяно вновь:

шелюгою	15.730,73	дес.
сосною и др. породами	37.037,43	„
травами	28.988,04	„
Итого	77.765,20	дес.

Исправлено посадок и посевов прежних лет:

шелюговых, сосновых и пр.	30.800,60	дес.
трав	1.669,45	„
вырублено шелюги в целях ухода	20.048,30	„

Кроме того в работе было до 2000 оврагов.

По сравлению с предшествовавшим до войны трехлетием работы сократились вдвое, а местами втрое. Наличное число служащих к концу 1916 г. сокралилось также вдвое за призывом в войска и по др. причинам. Кредиты постепенно убавлялись, т. к. война поглощала все денежные средства.

Февральская революция окрылила надежды на восстановление работ.

В Петрограде летом 1917 г. был созван съезд деятелей по песчано-овражному делу. Революционное настроенние работников вылилось постановлением создать выборный коллектив, как руководящий орган по управлению песчано-овражным и лесным мелиоративным делом.

Съезд высказывается за необходимость созыва в том же году второго съезда лесомелиораторов в декабре.

Октябрьская революция и выдвинутые ею на первую очередь другие задачи (социализация земли, национализация лесов и пр.) отодвинули лесомелиоративное дело.

Мобилизация и переезд в Москву лишили центр многих сотрудников.

Летний съезд лесных комиссаров занимался политикой, лишил нас, специалистов, права решающего голоса, отойдя по существу от техники лесного хозяйства.

Декабрский съезд в 1918 г. губземотделов, комбедов и коммун уже отмечает большое значение песчано-овражного дела и в частности для Астраханской губ. намечается большой кредит с целью укрепления песков.

1919 г. идет под флагом гражданской войны, разгромившей по Волге почти все наши технические аппараты, но тем не менее в этом же году созывается песчано-овражный съезд в Москве. Съезд констатирует отсутствие достаточного числа технич. сил и в центре, и на местах.

Центр выдвигает с места кандидатуру лица, ведающего песч.-овр. делом, но холод, голод, отсутствие помещения—преизводят свое действие и помощь с места не является.

В. 1920 г. осенью созывается также съезд работников по песчано-овражпому делу.

Благие пожелания съездов разбиваются о суровую дѣйствительность. Даже засуха и голод—не могли поднять песчано—овражного дела на уровень боевых работ. Очевидно, еще не пришло время для производительных работ в лесном хозяйстве. В нем еще доминируют работы, разрушающие хозяйство, все нивеллирующие в бесконечные пустыри, пожарища, песчаные пространства, в оголенные берега рек, изрытые оврагами...

Народный Комиссар Земледелия приветствуя лесную конференцию отметил, что мы находимся на „переломе" отношений к лесному хозяйству, что до сих пор только все брали из леса, а теперь сознаем необходимым давать ему и средства, и людей, чтобы восстановить лес, столь необходимый в земледельческой стране.

„На переломе" мы должны вновь поднять выпавшее знамя из рук покойного проф. Г. Ф. Морозова—с его надписью „берегите лес" и заменить ее: „восстановляйте уничтоженный лес."

Тезисы.

Все изложенное позволяет выставить следующие положения:

1. Отсутствие печатных работ по статистике лесов со времени выхода ежегодника лесного департамента за 1914 г. и кратких сведений за 1915 г., помещенных в „Лесах Республики", составляет серьезный пробел в ведении лесного хозяйства Центральным Управлением Лесами. Необходимо озаботиться скорейшим собиранием статистических данных, охватывающих всесторонне все лесное хозяйство, считая при этом, что лесоустройство дает главные сведения по основной статистике лесов, и что Ц. У. Л. имеет на местах достаточное число специалистов, чтобы справиться с этой работой, исключая быстрого собирания всех данных по устр. всех лесов страны.

2. Учитывая огромный недостаток лесных специалистов, особенно лесоустроителей и лесомелиораторов, а также резко понизившийся их образовательный ценз, конференция обращает внимание Н. К. З.: а) на необходиность серьезного улучшения материального положения лесных специалистов не только в дензнаках, но и в продовольствии, прозодежде и в средствах передвижения; б) на срочную мобилизацию всех лесных специалистов из других учреждений, особенно лесозаготовительных, в которых квалифицированные сотрудники в некоторых работах могут быть с успехом заменены лесными прикащиками; в) на недопущение людей с технической подготовкой, часто высоко квалифицированных работников, привлекать к заготовке личным трудом дров на топливо для государстренных учреждений, как это имело уже место; г) на полное устранение вмешательства всякого постороннего элемента в работу лесной администрации как в губернских учреждениях, так и в лесничествах и песчано-овражных организациях; на необходимость подчинения гублесподотделов непосредственно губисполкомам; е) на кредитование также непосредственно гублесподотделов, завед. лесоустройствами и окружных лесомелиораторов; ж) на отвод земельных наделов лесничим, их товарищам, канцелярским сотрудникам и страже; з) снабжение стражи оружием; и) на забронирование домов лесной администрации и своевременный их ремонт.

3. Лесоустройство—основа ведения правильного лесного хозяйства, посему признать все лесоустроительные работы первоочередными

и боевыми тем более, что хищнические рубки и пожары, начиная с 1914 г., совершенно изменили состояние лесов.

Работы должны быть организованы на сдельных началах; рабочие и специалисты должны быть снабжены продпайками, а специалисты еще и прозодеждой и обувью.

4. Эксплоатация лесов ведется самым хищническим и варварским способом. Мы стоим уже пред обезлесением средней и южной частей Европ. России.

Должно обратить внимание центр. сов. власти, что так вести впредь лесное хозяйство нельзя, особенно в земледельческой стране; что нельзя в деле снабжения страны топливом идти по линии наименьшего сопротивления, что следует обратить самое серьезное внимание на утилизацию торфа и минерального топлива. Настоящая же топливная политика определенно ведет страну в ближайшие годы к остановке почти всех железных дорог и промышленных предприятий. Увлечение лесными трестами, особенно в районах с полным сбытом леса, создает только вредную монополию и поведет к хищническому уничтожению лесов. Вольная продажа леса Гут-ом не поднимет лесоразработок и основана на совершенно неверном рассчете, ведя в итоге к смешению функций В. С. Н. Х. и Н. К. З.; приостановка заготовок населением для себя дров до выполнения наряда на государственные потребности—чревата самыми серьезными последствиями:

5. При правильном лесном хозяйстве за рубкой должно следовать лесовозобнавление, преимущественно в типе материнского насаждения. Рубка широкими и скученными лесосеками, не очищаемыми от отстатков заготовок, неумеренная пастьба скота и, совсем непозволительная на вырубках и в молодняках—устранили в огромной степени нормальное естественное лесовозобновление, создав обширные пустыри. Для восстановления лесов необходимо, регулировав пастьбу скота, перейти в государственном маштабе, где это окажется необходимым, к искусственному лесовозобновлению вырубок, пустырей и гарей. Для сего должно признать все работы, связанные с лесокультурой, работами первостепенной государственной важности, работами ударными, снабдив их всем необходимым, как и в лесоустроительных работах.

Чтобы поставить эти работы самостоятельно в финансовом отношении, следует из лесных доходов отчислять определенный процент для образования фонда (напр., в 25%) на предмет улучшения лесного хозяйства.

6. Песчано-овражные работы на юге и осушительные на севере должно признать работами, имеющими крупное значение в общем хозяйстве страны, считать их ударными в деле снабжения и в аналогичном положении с лесокультурными.

Согласование требований лесного хозяйства с запросами лесной промышленности и других отраслей промышленной деятельности республики.

Доклад ***В. И. МАЙЕРА.***

Организационному Комитету по созыву Всероссийской Лесной Конференции 1921 г. угодно было поручить мне осветить чрезвычайно важный с лесохозяйственной точки зрения вопрос о согласовании требований лесного хозяйства с запросами лесной промышленности и иных отраслей промышленной деятельности России.

В центре, таким образом, ставится лесное хозяйство, как самодовлеющая величина, а по периферии—разные отрасли промышленной деятельности, которые пред'являют ряд запросов, удовлетворение коих, как будто, не всегда и не в полной мере достижимо.

Прежде чем перейти к деталям этого сложного вопроса, нужно указать, что уже в прошедшем лесного хозяйства (имеется в виду казенное лесное хозяйство) имело место противопоставление интересов лесного хозяйства и лесной промышленности, которая является промежуточным звеном между лесным хозяйством и промышленностью вообще и непосредственно соприкасается с лесным хозяйством. Если об этом не говорили прямо, то в жизнь проводили мероприятия, в силу которых лесная промышленность ставилась в зависимое положение. В подтверждение этой мысли не трудно привести из практики б. казенного лесного хозяйства ряд фактов. Например: односторонняя разработка условий на продажу леса, дробление продажных единиц леса на мелкие деляпки, что между промышленностью и лесным хозяйством ставило посредника—мелкого лесозаготовщика-промышленника, предоставление этому мелкому посреднику льгот при обеспечении сделки залогом, а местами и при оплате купленного на сруб леса, чего не давалось крупной промышленности. Все эти мероприятия, правда, имели целью увеличить на торгах соревнование и стоимость леса на корню, но ими же вызывалось отделение крупной лесной промышленности от леса и, я прибавил бы, задержалось влитие капитала для интенсификации лесного хозяйства.

Кроме того взаимное недоверие между лесными хозяевами и представителями лесопромышленности зафиксировано в ряде печатных материалов, при этом консерватизм лесных хозяев неоднократно вызывал нарекания со стороны лесопромышленников.

Не касаясь деталей затронутого вопроса, я счел возможным о нем упомянуть, чтобы указать на наличность в данном деле традиции. Там же, где имеются традиций, всегда затруднен анализ, а об'ективные выводы могут показаться неубедительными.

1. Основные требования лесного хозяйства.

Об'ектом русского лесного хозяйства является огромнейшее лесное пространство, исчисляемое сотнями миллионов десятин, занимающее территорию России, частью в Европе и частью—в Азии. Хотя исстари

человечеству, осевшему здесь, и приходится бороться со стихией леса, отвоевывая у нее площади для заселения и для сельскохозяйственной культуры, но без леса, как такового, мы абсолютно не можем себе представить человека ни в доисторическую эпоху, ни теперь. Прежде всего, и дикарь, и человек, достигший верхов цивилизации, не могут обойтись без даров леса—древесины. Но, кроме того, несомненно влияние леса не климат, на режим вод и т. д., а в результате этого влияния создаются те условия, под знаком которых развивается культура. Не вдаваясь в детали этого вопроса, мы должны установить, что некоторый более или менее определенный status quo в деле распределения лесов на территории является обязательным для того, чтобы в жизни человечества не вызвать опасных потрясений.

Отсюда вытекает первейшая из задач в той части хозяйственной деятельности человечества, которая касается лесов, т.-е. в лесном хозяйстве, и которая может быть формулирована как установление непрерывности лесного пользования. Эту формулу можно понимать и узко, и широко. В узком понятии это будет: вырубая лес, сохранять его, т.-е. возвращать вырубки лесу, улучшая его качественно, выращивать нужные сортименты, увеличивать прирост и т. п. В широком смысле это нужно понимать как поддерживание в более или менее обширных районах нужной лесистости, сохранение лесных площадей, несущих специальные функции (задержание песков, охрана вод) и т.п.

Стремясь выполнить эту основную свою задачу, лесное хозяйство, естественно, пред'являет ряд требований. Требования эти могут быть обоснованы: с одной стороны об'ективными условиями, можно сказать, непреодолимыми, а с другой—состоянием нашей техники.

В качестве первой категории требований лесного хозяйства можно указать, прежде всего, на необходимость вовлечения в лесохозяйственный оборот обширных, еще слабо затронутых эксплоатацией, лесов севера Европейской России и лесов Сибири.

Рассматривая в прошлом (в довоенное время) данные о размере лесного пользования в разных географических районах России, мы устанавливаем, что в то время как в центральной, например, России в бывших казенных лесах добывалось в среднем до 150 куб. футов с 1 десятины лесной площади (для Калужской губернии свыше 200 куб. футов), в Архангельской и Вологодской губерниях добыча не достигла 5 куб. футов, а в Сибири была даже менее 1 куб. фута. Когда во-время войны и наступившего затем кризиса в области топлива обнаружилось устремление на леса с целью усиления дровяных заготовок, то в первую очередь вопреки требованию лесного хозяйства под топором пали не новые, ожидавшие усиленного лесопользования лесные пространства на севере, а леса центральной России, эксплотация которых и прежде была доведена почти до возможного максимума. Приводя данный факт для иллюстраци вышеуказанного общего положения, мы не собираемся полемизировать по поводу произведенных и все еще производящихся рубок в наиболее доступных местах центральной России. Происшедшее и происходящее в этом направлении в нашем хозяйстве имеет источником ошибки прежнего не только лесного, но и общего хоязйственного уклада страны. Однако этим не только не умаляется требование вовлечения в хозяйственный оборот новых лесных пространств, но, наоборот, оно становится очевидным и для мало посвященного в глубины лесного хозайства.

Следующее за сим требование лесного хозяйства касается назначения в рубку насаждений. Если данное насаждение успешно приро-

тает и, выражаясь не техническим языком, улучшается, то с точки зрения лесного хозяйства его рубить не следует. Наши леса накопили в себе достаточно таких насаждений (низкой добротности), которые „заедают чужой век": сами не приростают и занимают площадь, которая смогла бы дать стране плюс при условии смены насаждения. Эти низкой добротности насаждения должны быть сменены новыми, т.-е. вырубленны в ближайший срок. Однако, эта традиция не является для многих очевидной; между тем, не омолаживая насаждений, лесное хозяйство тем самым уничтожало бы об'ект своих забот.

Далее, в числе естественных требований лесного хозяйства нужно считать определение соответствующего лесного использования. Каждая лесохозяйственная единица — лесная дача — может давать лишь определенное количество древесины, соответствующее продукции почвы при данных климатических условиях. То или иное состояние дачи в момент проведения хозяйственных мероприятий может вызвать временное отклонение размера пользования как в сторону увеличения (преобладание спелых насаждений), так и в сторону уменьшения лесного пользования (расстройство насаждений, преобладание молодняков). Всякое временное увеличение лесопользования свыше нормы всегда влечет сокращение его впоследствии. Но при определении лесопользования не всегда можно исходить из чисто экономических предпосылок. Если об'ектом лесного хозяйства является лесная дача, выполняющая и иные задачи (например, сдерживающая пески, охраняющая водный режим, расположенная на крутых склонах или в горной местности и проч.), то значительная продукция почвы, возможность утилизировать древесину и прочие обстоятельства, имеющие значение при определении размера лесного пользования при нормальных условиях, в значительной степени отпадают. В этом случае иные задачи, стоящие перед лесным хозяйством, заставляют последнее выставить и иные требования.

Переходя к требованиям лесного характера, вытекающим из состояния техники, необходимо коснуться, хотя бы очень кратко, того, что имело место в прошлом.

К 1915 году огромнейшее из лесных хозяйств России — бывшее казенное—охватывало площадь в 335,5 милл. десятин и составлялось 1,559 хозяйственных единиц—лесничеств. Таким образом средняя площадь лесничества определялось свыше 200.000 десятин. В отдельных же случаях площади лесничеств были в 3—5 тыс. дес. минимум (не считая некоторых степных, подгородных и опытных лесничеств) и в несколько миллионов десятин—максимум. Работа в области дробления лесничеств встречала затруднения не только в направлении недостатка средств, но в еще большей степени благодаря недостатку технических сил. Даже не все существовавшие в 1914 г. лесничества были обставлены административно-техническим аппаратом в должной мере: не всюду имелись лесничие, а во многих лесничествах не было и помощников их.

Недостаток средств и технических сил повлек за собой специальный уклон в области лесотехники. В продолжение долгого срока работа упиралась в невозможность проведения лесотехнических работ при помощи искусственных мероприятий, требующих денежных средств и значительного кадра квалифицированных техников, а потому мысль работала в направлении использования естественных сил природы. Если в числе требований лесного хозяйства особенно непреложным является возврат лесу вырубленных площадей, а средств для искусствен-

ного лесовозобновления не было, то на выручку призывались силы природы. Отсюда явились узкие лесосеки, многолетный срок их примыкания, оставление семенников, надежного подроста и т. п.

Существует у нас скверная традиция говорить, что лес — дар Божий, что, будучи вырубленным, он сам вырастает. Правда. лес борется за свое существование и зачастую вновь отвоевывает у человека расчищенные им пашни, луга и выгоны. Но отвоевывание это длится долго, при чем вырастающий лес далеко не всегда отвечает тому, что нужно человеку и что, поэтому, диктуется лесным хозяйством. То же правда, бывает нередко и на лесосеках, несмотря на принятие соответствующих мер. Однако, все же целый ряд исследований доказывает, что выработанные лесотехникой естественные мероприятия обеспечивают лесовозобновление в более краткий срок.

Окидывая взглядом ближайшее прошлое, мы прежде всего должны установить уменьшение у нас технических сил. Затем, мы значительно материально обеднели. Наконец, об'ект нашего лесного хозяйства увеличился, ибо бывшие частные леса, судьбой которых мы не интересовались, теперь вошли в состав государственного лесного фонда. Итак, при наличности несомненного уменьшения наших технических сил и материальных средств, увеличился об'ект хозяйства. Следовательно, требования лесного хозяйства в области возобновления, повидимому, в значительной степени должны будут опираться на ту же „естественную" технику, которая вырабатывалась прежде втечение долгого срока времени.

В итоге те требования, которые предявляет лесное хозяйство, минимум будут следующие:

а) вовлечение в лесохозяйственный оборот новых лесных территорий, что нужно понимать, как перенесение центра тяжести рубок на север и в Сибирь;

б) назначение в рубку насаждений, требующих смены, что в результате должо ухудшить ассортимент выхода лесных материлов;

в) жесткое определение размера рубок, что после усиленных рубок ближайшего прошлого должно, во многих случаях, сократить лесопользование и

г) жесткие требования в области обеспечения лесовозобновления, что внесет, при сохранении прежних методов, обеспечивающих лесовозобновление, целый ряд трудностей при разработке леса.

II. Запросы промышленности к лесному хозяйству.

Едва ли нужно в докладе данному высоко-компетентному собранию давать определение понятия „промышленность" и говорить о значении промышленности. Едва ли также нужно доказывать лицам, испытавшим на себе влияние войны, когда промышленность работала односторонне, и революции, когда эта деятельность страны замерла, что без промышленности существивать нельзя. Можно спорить о первопричине того несчастья, которое постигло Россию, но, с точки зрения стоящей пред нами задачи, это будет бесполезно. Перед нами стоит задача спасения страны, спасения самое-себя, а если это достижимо хотя бы в части путем удовлетворения тяжелых запросов к русскому лесу, то на обязанности лесоводов лежит выяснить эти запросы и—на то мы и техники—удовлетворить их с наименьшим вредом для лесного хозяйства.

Лесная промышленность, являющаяся посредником между лесным хозяйством и потребителями древесины, в числе которых видное ме-

сто занимают едва-ли не все виды промышленности, а также и транспорт, и ею делается заявка на нужное стране количество древесины. Заявка эта еще не сделана в полной мере, но те предварительные соображения, которые уже наметились, дают некоторый материал для суждения.

В области железнодорожного транспорта в течение ближайших трех—четырех лет предстоит смена всех шпал, т.-е. 120 милл. штук, В области водного транспорта предстоит возсоздать заново весь деревянный непаровой флот, состояние которого уже в 1916 году вызвало известное распоряжение Лесного Департамента об отпуске леса для судостроения за $^1/_{20}$ таксовой цены.

Инжинером Д. Ф. Шапиро проделана интересная работа по вопросу о перспективах и в области лесной промышленности, результаты которой в интересующей нас части, приблизительно, следующие. Наше лесопильное производство в 1913 г. определилось в 480 м. куб. футов пиленого леса. В 1917 г. это производство оказалось всего лишь 200 милл. куб. фут., а в 1920 г.—45 милл. куб. фут. Если учесть темп развития лесопильного производства за период 1909 — 13 г., то в 1920 г. было бы произведено до 680 милл. куб. футов. Таким образом, в 1920 г. производство дало всего лишь 9,5% выхода продуктов 1913 г., а по отношению к ожидаемому производству на этот срок достигнутые результаты составили 6,6%. В 1918 года страна располагала излишком (запасом) пиленого леса, определяемого инженером Д. Ф. Шапиро в 350 милл. куб. футов. В продолжение периода с 1914 по 1920 года падает почти до нуля лесной экспорт, но значительно развиваются потребности в древесине у фронта. С 1917 г. резко сокращается обслуживание древесиной внутренней потребности страны. В результате этих обстоятельств запас пиленого леса в стране в 1920 г. оказывается всего около 105 милл. куб. футов, в числе коих нового производства, как указано выше, 45 милл. к. футов и остатков около 60 милл. куб. футов. Текущая внутренняя потребность к этому сроку заявлена в размере 320 милл. куб. футов, следовательно дефицит оказывается свыше 200 милл. куб. футов, а удовлетворение возможно лишь в 30 — 35% потребности.

Казалось бы, что при таких обстоятельствах нужно отказаться совершенно от экспорта леса, а лесную промышленность признать, как теперь выражаются, ударной, предоставить органам, ею ведающим, ряд полномочий, придать им самостоятельность и т. п. Но жизнь сложнее, чем это кажется: лесной экспорт формируется за счет удовлетворения внутренней потребности в древесине, а лесная промышленность подчиняется топливным директивам. Из выше цитированной работы инженера Шапиро удается установить „неудовлетворение" древесиной внутренней промышленной нужды. Это оказывается 1,0 миллиард. куб. футов пиленого леса. Для того, чтобы постичь эту величину, нужно указать, что при мощности и темпе работ нашего лесопильного аппарата в 1913 года, для производства такого количества пиленого леса потребовалось бы непрерывно пилить в течение $2^1/_2$ лет. Если восполнение указанного дефицита растянуть на десятилетие, если фиксировать внутреннюю потребность в 320 милл. куб. футов и довести наш экспорт до довоенных размеров, то суммарно это составит в сырье 5,5 милл. таксационных саж. только пиловочного сырья в год.

В своей работе по вопросу о лесоэкономических районах, доложенному Научному Лесному и Техническому Обществу, я определяю

запас пиловочной древесины на годовой лесосеке в пределах Европейской России в 5.581,8 тыс. такс. саж., но в это число не включена лесосека по Украине, по Кавказу, а также в лесах, находящихся в районах рр. Мезени и Печоры, Но если учесть, что "доступность" лесов обследованного района определена в 72%, то запас пиловочной древесины на годовой лесосеке сократится до 4,0 милл. такс. саж.

Считая, однако, что часть экспортных работ должно сосредоточить на Мезени и Печоре (а также перенести в леса Сибири) и что Украина и Кавказ дадут кое-что для внутренней потребности, можно принять, что исчисленный выше счет потребности лесной промышленности увязывается с тем, что леса наши могут дать. Но это лишь частичное благополучие, ибо в связи с недостатком средств на производство, расстройством транспорта и невозможностью переброски лесных материалов на далекое расстояние внутри страны, ожидаются коллизии в области выбора места рубок в отдельных дачах (удешевление вывозки), способа рубки (выборочная рубка) и выбора лесных дач для эксплоатации (близость транспорта).

Переходя к выяснению запросов, которые пред'являются другими отраслями промышленности к лесному хозяйству, предстоит проанализировать хотя бы в части наше тепловое хозяйство. В недавно изданном Петроградским Советом Народного Хозяйства „Топливном Ежегоднике" проводится целый ряд весьма интересных данных. В их числе обращает на себя внимание расход горючего Петроградской промышленностью, испытавшей в минувшую зиму 1920/21 г. столь тягостный кризис в области топлива. Расход топлива, при переводе его на 7.000 калорийное, оказался: в 1914 г.—126,4 милл. пудов.
в 1920 г.— 31,0 милл. пудов.

Таким образом, расход горючего для промышленных целей пал на 95,4 милл. пудов, или более чем на 75% по отношению к 1914 г. Но если параллельно проследить расход за этот же период тою же Петроградскою промышленностью дров, то оказывается, что:

в 1914 г. дров сожжено (в 7.000 калориях) — 8,6 милл. пудов.
в 1920 г. . . . . 24,7 милл. пудов,

что в переводе на куб. сажени можно принять: 86.000 куб. саж. и 247.000 к. с. Сокращение расхода горючего, следовательно, не только не коснулось дров, но, наоборот, количественно расход дров возрос на 16,1 милл. пудов, или почти втрое (на 200%). Оказывается, что работая нормально, петроградская промышленность израсходовала всего лишь 34—35% того количества дров, которое было ею сожжено в период застоя в 1920 г.

Аналогичная картина относительного, а подчас и обсолютного увеличения расхода дров при значительном понижении общего расхода горючего приходится констатировать и в Московской промышленности и в нашем железнодорожном хозяйстве. Если на Урале, например, расход древесного топлива (дров и древесного угля) не увеличился, а, наоборот, значительно пал, то в результате этого мы не имеем металла. Однако, возрождение Урала — это непременное требование для восстановления страны—должно считать, как требование со стороны металлургии к лесному хозяйству отпускать регулярно не менее 2,0 милл. к. с. дров в год. По отношению же к остальной промышленности в своей руководящей статье Председатель Главного Лесного Комитета писал, что в течение еще нескольких лет она будет базироваться на дровах. Общегосударственная потребность, согласно пла-

ну дровяных заготовок на 1921/22 г., исчислена в $10^1/_2$ миллионов куб. саж. (в таком размере назначена вывозка дров к сплавным путям и железным дорогам). Около 70% этого количества дров предназначено для нужд промышленности и транспорта, следовательно, свыше 7,0 миллионов куб. саж. дров—это тот суммарный запрос, который промышленность в целом пред'являет лесному хозяйству в текущем году и, быть может, еще в течение ближайших пяти лет.

В вышеупомянутой своей работе о районизировании лесов Европейской России, я определяю запас дровяной древесины на годовой лесосеке:

в районе, тяготеющем к Петрограду в	1.637,0	куб. саж.,
в бассейне Западной Двины	300,0	„ „
в районе верхней Волги	989,1	„ „
в районе средней Волги	2.804.5	„ „
в бассейне Камы, ее притоков и на Урале	5.692,7	„ „
в бассейне Днепра и его притоков	1.585,2	„ „
и в центральной России	3.465,1	„ „
Итого . . .	16.473,6	куб. саж.

Теперь промышленность нуждается о 7,0 милл. к. с. дров. Это составляет более, чем 42% общего запаса дров на годовой лесосеке. Интересно здесь отметить, что непромышленное потребление горючего и в прежнее время базировалось исключительно на дровах, причем только в крупных населенных пунктах все возрастающая стоимость дров заставила в области домового отопления переходит на торф, уголь и нефть. При таких обстоятельствах вышесказанный запрос промышленности о предоставлении ей свыше 42% имеющихся на годовой лесосеке дров является весьма грозным симптомом.

В подсчете о количестве древесины, которая требуется для промышленности в ближайшие годы, мы не остановились на тех запросах, воторые могут быть пред'явлены со стороны бумажной промымышленности и связанных с ней древесно-массной и целлюлозной, а также и промышленностью по химической переработке дерева. К сожалению эти отрасли промышленности, в развитии которых лесное хозяйство по составу и качеству русских лесов наиболее заинтересовано, в меньшей степени заявляют о себе. Главное Управление Бумажной Промышленности ставит себе задачей довести свое производство в течение десятилетия до 55 миллионов пудов бумаги, в то время как рессурсы годовой лесосеки в лесах Европейской России позволяют мечтать о 350 миллионах пудов бумаги, причем при этом тех грозных симтомов, о которых нужно говорить, имея в виду дровяное дело, нет. То же нужно отметить, касаясь намеченной переработки дерева, канифольного дела и т. п.

Если некоторые промышленные производства, нуждающиеся в специальных сортиментах древесины, выдерживающих благодаря своей ценности весьма далекий транспорт, принуждены будут получить нужное ей для обработки сырье там, где таковое окажется, то со стороны тех отраслей промышленности, которые в лесе нуждаются как в топливе нужно ждать запроса—дать дрова в самых близких местах от пунктов потребления. При этом возможно, что соответствующая промышленность, а также транспорт, подчас не смогут считаться с тем, что древесина назначаемого в рубку насаждения пригодна и для иных целей. Мало того, недостаток рабочих рук и, главным образом, гужевых средств еще актуальнее, чем теперь, повидимому, поставят

вопрос о концентрации (сдвиге) рубок, чтобы механизировать заготовку и вывозку леса. В ближайшем прошлом и в настоящем несомненно имеется указанная тенденция и, поскольку она идет в разрез с требованиями, которые, как выяснено выше, пред'являет лесное хозяйство, она должна быть здесь отмечена.

Наконец необходимо еще остановиться на следующем вопросе. Каждое промышленное предприятие, потребляющее древесину в том или ином виде (сырье, топливо), должно стремиться обеспечить себя древесиной на долгий срок, иначе оно не жизненно. Расстройство, обнаружившееся в нашем хозяйстве в период полного обособления каждой промышленности и прежде всего резкого отделения добывающей промышленности от обрабатывающей, дало реакцию. Теперь мысль работает в направлении создания комбинированных хозяйств, причем добывающая промышленность естественно в определенных своих частях становится подчиненной отдельными предприятиями обрабатывающей. В области интересующего нас вопроса, комбинация между лесным хозяйством и промышленными предприятиями будет припиской ряда лесных дач к определенным предприятием, являющимся для этих дач главными рынками. История уральского лесного хозяйства хорошо знает, во что может вылиться приписка лесных дач к заводам, но на то мы и изучаем историю своего дела, чтобы не повторять ошибок. Если в свое время вопрос о приписке лесных дач был разрешен неудачно, то это еще не довод в защиту того, что запросы промышленности в этом направлении должны быть отброшены без внимания.

Суммируя мысли, высказанные в этой части доклада, приходится установить следующее:

а) Наша промышленность в ближайшие годы пред'явит запрос об отпуске огромного количества пиловочной древесины, но с этим отпуском лесное хозяйство справится.

б) Этого нельзя сказать о дровах, потребность в которых настолько огромна, что едва ли может быть увязана с общей продукцией лесов. Мало того, дрова придется отпускать не со всей лесной территории России, а лишь с части ее, наиболее доступной, расположенной вблизи пунктов потребления дров. Это является угрозой непрерывности лесного пользования, а также развитию и тех отраслей промышленности, для которых древесина служит сырьем для переработки (лесопильное дело, бумажная промышленность и проч.).

в) Для удешевления стоимости, главным образом дров, промышленность потребует концентрации рубок (сдвига лесосек). Отсюда вытекают затруднения в области применения прежних приемов лесовозобновления, используя естественные силы природы.

г) Наконец, промышленность заявит и докажет свое право распоряжения частью лесных массивов для того, чтобы снабдиться сырьем и в некоторых случаях и дровами самостоятельно, предупреждая тем случайности, имевшие место в недавнем прошлом и в настоящее время.

III. Заключение.

Сопоставляя, в заключение, требования лесного хозяйства с запросам промышленности, необходимо констатировать, что на-лицо имеется если не колизия, то все же целый ряд несогласованностей. Эти несогласованности на деле подчас выступают довольно резко, благодаря нашему первородному греху: двойственности управления лесным делом. Организационный вопрос, которому Конференция посвятит спе-

циальное время, и здесь, однако должен быть затронут. Учитывая большую неподвижность лесного хозяйства, в большей мере, чем промышленность зависящую от об'ективных природных условий, необходимо притти к выводу, что в центре организации лесного дела должно стоять лесное хозяйство. Отсюда вытекает первая из задач в деле согласования интересов лесного хозяйства и промышленности, а именно: *проведение мероприятий организационного порядка, ставящих лесное хозяйство, как зависимое от естественных сил природы, в центре лесного дела в его целом.*

В тех случаях, когда природа ставит хозяйство в определенные рамки, лесное хозяйство является диктующим свои условия промышлениости. Следовательно второе положение в деле устранения несогласованностей будет: *соподчинение лесному хозяйству в части, где оно базируется на естественных силах природы, запросов, пред'являемых промышленностью.*

Выше, подсчитывая те запросы в древесине, которые пред'являются лесной и прочей промышленностью, мы выяснили, что в части пиловочной древесины счет промышленности будет оплачен, в части поделочной древесины, а также специальных сортиментов, как целлюлозный лес и сырье для техно-химической промышленности, лесное хозяйство может удовлетворить гораздо большие запросы. Но как только мы переходим к дровам, то здесь тотчас же обнаруживается угроза и для лесного хозяйства и для всей той промышленности, которая нуждается в древесине в качестве сырья для переработки. Это дает основание для третьего положения, устанавливающего необходимость *об'единения около лесного хозяйства лесной промышленности и тех отраслей промышленности, которые нуждаются в древесине, как в сырье, ибо этим путем только можно спасти лесное хозяйство и соответствующие виды промышленности от всепожирающего огня топливного кризиса.*

Однако отрицать совершенно дровяное лесное хозяйство нельзя. Кроме того, хозяйство на целлюлозный лес по роду лесных разработок будет близок к дровяному: необходима массовая заготовка однотипного товара. Прежняя техника в деле лесовозобновления несомненно устарела хотя бы потому, что она невыгодна для промышленности, а в развитии последней мы заинтересованы. Если-бы даже в силу каких бы то ни было причин мы и смогли остаться при прежней технике лесовозобновления, то на-лицо имеются уже произведенные вырубки с отступлением от узких лесосек, срока примыкания и проч, и к облесению этих площадей немедленно нужно приступить. В силу этих соображений нами выдвигается четвертое положение: *лесное хозяйство должно учесть уроки переживаемого времени и выработать новую технику, допускающую единовременную вырубку больших лесных площадей без ущерба для возобновления леса и ему для этой цели должны быть даны средства из доходов им выручаемых.*

Концентрацию рубок для единовременной разработки больших лесных площадей, понимают как условие возможности замены дорогого мускульного труда машинным, т. е. применением маханизации лесоразработок. Одной из наиболее трудных проблем в области механизации лесоразработок является операция вывозки леса. Всякое сооружение для вывозки леса для удешевления его стоимости требует усиленной нагрузки. Постройка под'ездных путей нынешнего типа требует больших затрат; но леса наши расстроены и сооруженные 2.000 верст лесовозных под'ездных путей этой нагрузки пока не имеют и, я думаю, в

большинстве случаев иметь не будут даже при нарушении порядка рубок. Считая, что механизация лесоразработок тем не менее нужна и возможна при всех обстоятельствах, мы устанавливаем пятое положение: *механизация лесоразработок должна стремиться в наименьшей мере нарушить естественный режим леса и вытекающие отсюда требования лесного хозяйства.*

Наконец шестое наше положение коснется опять организационного вопроса—о приписке лесов к промышленным, предприятиям. Если в приписных лесах в прошлом не всегда велось доброе лесное хозяйство, то и в лесах казенных, свободных от давления промышленных предприятий, не все в большинстве случаев обстоит благополучно. Если рассматривать хозяйство в лесах нашего севера, по преимуще, ству б. казенных, то легко установить в нем целый ряд дефектов. Здесь же среди северных лесов имеется Вельско-Шенкурский лесной массив, принадлежавший удельному ведомству, где хозяйство велось более или менее удовлетворительно. Для поднятия хозяйства Вельско-Шенкурский массив был соединен с лесопильными предприятиями (2 в Архангельске, 1 в Шенкурске). Таким образом лесохозяйственно-лесопромышленный круг хозяйства в данном случае замыкался и это было источником средств для интенсификации лесного хозяйства. Понимая под словом „приписка" лесных дач не распыление государственных лесов, а установление органической хозяйственной связи между лесным хозяйством в отдельных лесных дачах или массивах и хозяйством в предприятиях, нуждающихся в этих лесах, и считая, что только таким путем леса получат максимум средств для интенсификации лесного хозяйства, мы считаем, что *приписка отдельных лесных дач или массивов к промышленным предприятиям, которые являются для них главнейшими рынками, допустима и даже подчас желательна, но при этом необходимо обеспечение правильности лесопользования, возобнавление вырубаемых насаждений и пр. Это при правильной организации учреждения, ведающего лесным хозяйством, и его аппарата безусловно достижимо.*

Очередные задачи русской дендрологии.

Доклад В. Н. СУКАЧЕВА.

„Eine wissenschaftliche Unterscheidung und Prüfung dieser elementaren Arten vom wirtschaftlichen Standpunkt aus könnte vielleicht zur nennenswerten Verbesserung mancher unserer Holzgewächse führen, indem sie eine gleichmäßigere Nußernte, härteres und besseres Bauholz, schnelleres Wachstum, geradere und weniger verzweigte Stämme lieferte."
Hugo de Vries. „Pflanzenzüchtung" 1908, p. 190.

Нет сомнения, что все меры по поднятию лесного хозяйства, которые стоят на очереди, должны базироваться на научных данных. Только это гарантирует, что все силы и средства будут затрачены наиболее целесообразно. В ряде наук, которые являются основными для лесного хозяйства и которые в данном случае должны быть привлечены к этому делу, определенное место принадлежит дендрологии. Ее роль особенно может быть значительна, если к ней пред'явим те же требования, какие ныне пред'являют вообще к систематике растений.

Хотя дендрология по самому своему смыслу должна об'единять все данные ботаники, касающиеся дерева, однако до настоящего времени ее обычно понимают более узко, рассматривая ее лишь как часть систематики растений. Но, не смотря на это, нынешняя дендрология очень отстала от общего развития систематики растений, и большинство дендрологов, работая в духе старых систематиков, не усвоили ни современных задач систематики растений, ни ее методов. Даже наиболее выдающиеся из современных дендрологов, как, напр., К. Шнейдер, Бейснер, Саржент и др., не делают в этом отношении исключения.

Современная систематика растений ставит своею основною задачею создание такой системы, которая являлась бы выражением истории развития растительного царства. Поэтому ныне систематик, имеет ли он в виду весь растительный мир, или одну какую-нибудь группу растений, проводя в своей работе эволюционную точку зрения, группирует как виды, так и составляющие их более мелкие систематические подразделения в таком порядке, чтобы соподчинение одних групп другим выражало собою не просто морфологическое сходство или различие их, а генетическое их родство и последовательный ход их

развития. Затем характерной особенностью современной систематической обработки какой-нибудь группы растений является неотделимость изучения систематических единиц от изучения их областей распространения (ареалов). Если до недавнего времени систематики при своих работах по преимуществу пользовались, так называемым, сравнительно-морфологическим методом, при котором на основании сходства и различий морфологического строения растений делали заключения о их генетическом родстве, то теперь широко начинает применяться метод, получивший название географо-морфологического. Сущность его заключается в том, что, исходя из мысли, что в процессе эволюции формирование видов идет неразрывно с формулированием ареалов, а эти последние определяются климатическими условиями стран и распределением морей и суши как в нынешнее время, так и в предшествовавшие геологические эпохи, систематик изучает и сравнивает как виды, составляющие известную систематическую группу и их подразделения, так и их ареалы, и затем, сопоставляя их между собою и климатическими данными и геологической историей страны, находит возможным устанавливать последовательность развития и генетическое соотношение изучаемых систематических единиц. Достоверность этих заключений делается еще большей, если есть возможность опереться на палеонтологические находки. Этот метод нашел плодотворное приложение у ряда современных систематиков, особенно в работах *Ветшейна* (1896 и 1898) и *В. Л. Комарова* (1908).

При географо-морфологическом методе внимание исследователя сосредоточивается на ареале и его границах, исследователя мало интересует распределение видов внутри ареала. Важность же последнего для систематики растений особенно выдвинута в последнее время *Б. А. Келлером* (1907, 1912), который предложил особый метод, названный им эколого-морфологическим.

В природе близкие между собою формы растений, встречаясь в одном естественном районе, часто оказываются приуроченными к различным местообитаниям. „Устанавливая связь мелких растительных форм с известными местообитаниями или географическими районами, говорит *Б. А. Келлер*, мы в ряде случаев получаем реальные, самой природе отвечающие, основы для классификации, выводящие нас порой из большой путаницы—от субъективной оценки систематического достоинства форм и их филогенетических отношений. Эколого-морфологические исследования указанного характера в связи с географо-морфологическими дают возможность в ряде случаев выяснить филогенетические связи между растительными формами".

В связи с применением этих методов, а также с теорией видообразования и с изучением явлений изменчивости и наследственности, систематики ныне главное свое внимание сосредоточивают не на крупных, так назыв., Линеевских видах, а на более мелких систематических единицах.

Ныне при обработке какой-либо систематической группы требуется тщательный анализ составляющего ее ряда форм, анализ, ведущий к все большему дроблению крупных видов. Это выделение из „вида" слагающих его более мелких единиц и выяснение их генетического значения составляет характернейшую черту современной научной систематической работы и приводит к тому, что таким путем не только устанавливается филогения форм внутри вида, но и добываются факты, проливающие свет на генетическое взаимоотношение как видов, так и целых родов.

Однако дендрологии эта филогенетическая точка зрения и эти методы до настоящего времени были чужды. Но возникает вопрос, нужно ли это направление вводить в денрологию, если ее рассматривать, как подсобную науку для лесоводства. Может ли дать проведенная в духе современной филогенетической систематики обработка древесных пород что-либо ценное для практики? Остановимся прежде всего на значении для лесоводства установления мелких форм рангом ниже вида. По этому поводу нужно сказать, что в то время как в агрономии и садоводстве давно уже обращено внимание на расы, разновидности и сорта, лесоводы до сих пор продолжают оперировать с такими понятиями, как „ель", „лиственница" и пр., не упоминая не только с какими формами они имеют дело, но даже такие виды, которые современной систематикой признаются за хорошие, ими не отличаются, как, напр., Betula pubescens Ehrh. и B. verrucosa Ehrh., или Larix europaea DC. и L. sibirica Led. и т. п. Но ведь нужно помнить, что лесовода прежде всего интересуют, так назыв., лесоводственные и экологические свойства древесных пород, имеющих значение в лесном хозяйстве. Для него существенно важно знание отношения этих пород к свету, влаге, теплу, потребности их в зольных веществах, отношения к заболеваемости, быстроте роста, способности к вегетативному и семенному размножению. А можно ли утверждать, что не только такие виды как Betula pubescens и B. verrucosa, или Quercus pedunculata и sessiliflora, но и более близкие, как Picea excelsa и P. obovata, имеют одинаковые экологические свойства. Конечно, нет. Ведь именно лесоводами в ряде обстоятельных работ доказано, что даже порода, взятая в различных частях своего ареала, без сколько-нибудь ясно заметных морфологических отличий, обладает целым рядом лесоводственно важных особенностей, напр., в быстроте и характере роста, в отношении к заморозкам, к заболеванию паразитами и т. п. В то же время нельзя не согласиться с *Р. Э. Регелем* (1912), что должно признать существование в живом растении общего режима, об'единяющего самостоятельные наследственные факторы в одно целое, выливающегося в общий облик растения (в его *морфому*) с соответствующими ему биологическими свойствами (с его *бионтом*). Поэтому морфологически обособленные расы должны иметь и свои экологические особенности. Достаточно хотя бы указать на такие примеры. Сибирская лиственница морфологически так близка к европейской, что некоторые систематики об'единяют обе их в один вид. Однако *Цизляр* (1904) сообщает, что эти две лиственницы отличаются рядом лесоводственно важных свойств; так, сибирская лиственница характеризуется большей прямизной ствола, менее страдает от навала снега, по наблюдениям в Венском лесу растет значительно медленнее и колебания в росте у отдельных экземпляров у нее более, чем у европейских. *)

Также кедр (Pinus Cembra) из Альп едва отличим от кедра, растущего на северо-востоке Европейской России и Сибири. Тем не менее по свойствам, имеющим значение для лесоводства, эти кедры значи-

---

*) Насколько еще мало обращается в лесоводственной литературе внимания на точное установление форм древесных пород, свидетельствует, напр., работа С. Григорьева (1914) о результатах его интересных и важных опытов над влиянием соды и сернокислого натра на развитие сосны, ели, лиственницы и березы. В ней автором нигде не указано, с каким видом лиственницы он имеет дело. Это тем более досадно, что сравнение распределения и распространения европ. лиственницы в Альпах, а сибирской в Сибири дает основание думать, что последняя гораздо менее чувствительна к вредному влиянию некоторых солей, в том числе и соды, чем европейская.

тельно отличаются друг от друга. Так сибирский кедр (P. Cembra sibirica Mayr) по данным *Майра* (1909), *Рикли* (1900), *Поле* (1913) отличается более высоким и стройным ростом, пред'являет большие требования к почвенной влаге, чем европейский, почему его *Майр* рекомендует для разведения на холодных, влажных, почти болотистых почвах. Затем семена сибирского кедра, высеянные в первом году по созревании, прорастают уже через три — четыре недели, тогда как у альпийского кедра они обыкновенно прорастают лишь на второй год; семенные годы у сибирского кедра чередуются через 2-4 года, тогда как у альпийского—через 10 лет и лишь при особо благоприятных условиях через 6-8 лет (см. также данные Кирхнера, Лева и Шретера 1908, стр. 278).

С этой точки зрения очень интересны работы Сильвена (Silven, 1910) над расами ели в Швеции. Изучая варьирование различных признаков у этого дерева, он пришел к заключению, что лесоводственное значение могут иметь формы ели, устанавливаемые по строению кроны. Не смотря на незначительные отличия этих форм, исследования автора дают право утверждать, что они не зависят от условий существования, и что, согласно его опытам, особенности их наследственны. Затем это изучение обнаружило, что ели разных типов кроны характеризуются разной склонностью к фаутности, также и различным приростом по радиусу ствола. Специально поставленные исследования с анализами стволов (Sylven, 1914), подтвердили заключение автора, что с точки зрения лесоводства наилучшей елью является ель с правильно гребенчато расположенными ветвями второго и следующих порядков. Таким образом изучение таких, казалось бы, слишком мелких форм ели, приводит к лесоводственно важным выводам и дает указания, с каких деревьев желательно собирать семена для разведения ели. Понятно, что эти указания могут быть впоследствии широко использованы селекцией.

Таких примеров можно было бы еще привести уже и теперь не мало; их число будет, конечно, еще увеличиваться, когда будут более тщательно изучаться мелкие формы древесных пород. Эти примеры показывают, что, говоря о лесоводственных свойствах какой-либо древесной породы, необходимо точно указывать ее систематическое значение и название. У нас же и теперь можно в руководствах по дендрологии или в отдельных статьях найти указания относительно лесоводственных свойств наших пород, заимствованные прямо из западноевропейской литературы и найденные для форм, хотя подчас и близких к нашим, но все же отличных.

Таким образом, необходимо взять за правило, прежде чем говорить об экологических, а следовательно и лесоводственных, свойствах древесной породы, необходимо точно выяснить ее систематику, т. е. не только определить принадлежность ее к тому или другому виду, но и к той или иной расе, разновидности или форме, что возможно сделать только путем тщательного систематического изучения, при котором прежде всего будут учтены и морфологические особенности породы.

В последнее время в лесоводственной литературе оживленно обсуждается вопрос о влиянии происхождения семян на рост деревьев, в связи с чем и было обращено внимание на так назыв. климатические расы. Работы *Кинница* (Kienitz, 1897), *Шотта* (Schott, 1904, 1907), и др. в Германии, *Цизляра* (Ciesiar, 1895, 1899, 1907) в Австрии, *Шотте* (Schotte 1910) в Швеции и у нас в России *Турского*, *Сиверса*, *Соболева*, *Нестерова*, *Огиевского* и др. хорошо осветили этот вопрос со стороны физиологической и лесоводственной, но почти совершенно остались неразработаны эти расы систематически, почти

не выяснен вопрос о том, отличаются ли эти расы так морфологически, чтобы возможно было по гербарным экземплярам или отдельным частям, напр. семенам, отличать эти расы. Для практических же целей это было бы чрезвычайно важно, ибо дало бы возможность лесоводу, имея, напр., лишь ветки с хвоей или семена, что еще важнее, определить местопроисхождение породы, а тем самым и сделать заключение о пригодности ее для культуры в той или другой местности. До сих пор на морфологические отличия таких климатических рас так мало обращали внимания, что может создаться впечатление, что они столь ничтожно отличаются друг от друга, что могут быть распознаваемы лишь тогда, когда растут рядом в питомниках, и поэтому попытка дать ключ для определения таких рас по морфологическим признакам обречена заранее на неудачу. Что дело в этом отношении стоит не так безнадежно, показывает хотя бы интересная статья *Шотта* (Schott, 1907), где он, изучив сосну из разных мест Зап. Европы, выясняет не только то, что сосны, происходящие из разных мест, имеют различные лесоводственные свойства, в силу чего очень важно знать, откуда берутся семена для посева, но устанавливает в зависимости от этого семь различных форм, которые он называет особыми именами и отчетливо характеризует морфологически.

С этой точки зрения интересны работы *Курдиани* над семяноцветными расами сосны. Как заграницей, так и у нас *Нестеровым* (1912) было установлено, что сосны северного происхождения по лесоводственным свойствам отличны от сосен южного происхождения. *Курдиани* (1908) на основании своих собственных исследований и данных в литературе, установив четыре расы сосны по цвету семян, делает тот вывод, что на севере преобладает светлосемянная раса Pinus silvestris seminibus pallidis, или, по терминологии *Д. И. Литвинова* (1903, 1916), P. silvestris L. var. leucosperma Litw., а на юге темноцветная P. s. seminibus atris=P. s. melanosperma Litw. Наконец, здесь могу привести данные, полученные мною в отделении лесной ботаники Лесного Отдела С. Х. Ученого Комитета при исследовании лиственницы. В 1916 г. *В. Д. Огиевский* опубликовал, что при разведении сибирской лиственницы в питомнике Лесного Института обнаружилось следующее явление. В 1911 г. была посеяна в питомнике лиственница из Алтайского лесничества, Семипалатинской области, а рядом с ней лиственницы из Уюсо-Урюпского лесничества, Енисейской губ. и Чердынского лесничества, Пермской губ. Зимою 1913/14 года семипалатинская лиственница погибла от мороза, тогда как енисейская и пермская остались совершенно здоровыми. Таким образом обнаружилось резко различное отношение лиственниц из этих трех мест. Чтобы выяснить, нельзя ли указать морфологические признаки у лиственниц различного происхождения и, в первую очередь, в семенах их, мною были подвергнуты исследованию семена из 18-ти различных мест ареала сибирской лиственницы, любезно переданные в мое распоряжение контрольной и опытной семенной станцией Лесного Отдела С. Х. Ученого Комитета. При этом обнаружилось, что в семенах лиственницы из Семипалатинской области в отличие от семян из других мест есть определенная морфологическая разница.

Оказалось, что у семян алтайской лиственницы значительно тоньше кожура, чем у всех остальных семян, а именно, у алтайской лиственницы толщина кожуры наверху семени 0,15—20 мм., снизу 0,09—0,12 мм., а из других мест западной Сибири и Евр. России соответственно имеем 0,21—36 мм. и 0,15—0,30 мм. Чтобы выяснить границы распре-

деления этой тонкокожурной расы сибирской лиственницы, необходимы дальнейшие исследования, но уже и приведенные данные свидетельствуют, что намечается путь к установлению связи физиологических свойств этой породы с морфологическими.

Таким образом, вообще можно думать, что эти столь популярные ныне климатические расы после более тщательного изучения могут быть охарактеризованы и морфологически. Это же, кроме указанного выше, может иметь еще и следующее значение. Для целей лесоводства было бы чрезвычайно важно разбить ареал древесной породы на ряд областей, в пределах которых данная порода сохраняет свои лесоводственные свойства одинаковыми, т. е. иными словами установить частные ареалы климатических рас. Так, если *Н. Нестеров* (1912), говорит, что вологодская сосна, обладая наследственной мелкослойностью, а следовательно, нужно думать, и высокими техническими качествами древесины, может быть с пользою разводима на суглинках средней России, где местная сосна, при обычной густоте древостоя, дает дряблую широкослойную древесину, а ее медленный рост в высоту дает возможность с выгодой использовать ее в известных случаях в хозяйстве, в частности при воспитании смешанных насаждений, например сосново-дубовых, когда необходима задержка в росте хвойной породы для более успешного развития ценной подмеси, то возникает вопрос, могут ли быть указанные выводы распространены на сосны из всех мест такой обширной губернии, как Вологодская (в прежней своей территории), а также в какой мере этими свойствами будет обладать сосна из соседних мест. Точно также, если опыт с влиянием происхождения семян на рост леса показал, что в большинстве случаев является наиболее целесообразным при разведении породы брать семена с местных деревьев, то также возникает вопрос, как понимать в данном случае „местные семена", как велик тот район, в пределах которого можно рекомендовать без вреда обмен семенами. Для решения этих вопросов необходимо, именно, установить ареалы этих климатических рас. Конечно, этого можно было бы достигнуть путем многочисленных опытов с семенами из большого числа пунктов в пределах ареала данной древесной породы и поставленных также в большом числе мест. Ясно, как велико должно быть общее число таких опытов и сколь медленен этот путь. Он несравненно был бы сокращен, если бы возможно было точно установить связь между „морфомами" и интересующим нас „биотом" изучаемых климатических рас и этим путем расчленить ареал породы на интересующие нас в данном случае районы. Все вышесказанное свидетельствует, что есть полная надежда достигнуть этого.

Может, впрочем, возникнуть вопрос, если эти лесоводственно важные расы, именуемые климатическими, суть отражение разного климата в пределах общего ареала породы, то, казалось бы, расчленив этот ареал на климатически однородные части, мы и получили бы то, что требуется.

Однако это задача еще более сложна и трудна, так как, во-первых, климатология в настоящее время еще так слабо развита, что не дает всех необходимых для этого данных, и, во-вторых, каждая климатическая раса не есть отражение одного какого-либо климатического фактора, а является результатом взаимодействия целого ряда их, она является как бы синтезом их всех, да к тому же преломленных влиянием рельефа и почвы. Поэтому все-таки наиболее простым путем в данном случае будет путь указанного изучения морфологии мелких подразделений древесных пород и их ареалов.

Несомненно тщательное изучение морфологии и систематики наших древесных пород и установление среди них различных низших, чем вид, категорий, будет иметь большое значение также для селекции древесных пород. Вопрос о селекции наших древесных пород уже поставлен в русской лесоводственной литературе, и теперь, когда лесокультурному делу предстоит в ближайшее время у нас широкое развитие, необходимо будет лесным опытным учреждениям включить этот вопрос в программу своей деятельности. Понятно, что при начале селекции внимание будет направлено прежде всего на те расы и формы, которые нам уже дает природа. Вот в данном случае систематико-морфологическое изучение должно будет установить эти формы у данной древесной породы и обратить внимание на них селекционеров. На этом вопросе уже останавливается и *С. Курдиани* (1912) в своей статье об организации селекции лесных растений России, где им в виде примера указывается, какое могут иметь значение для селекции мелкие формы некоторых наших древесных пород.

Выше мы видели, что не только распознавание мелких форм древесных пород является необходимым для лесоводства, но и тщательное изучние ареалов таких форм может иметь немаловажное значение. Однако и кроме этого вообще изучение ареалов древесных пород важно для целей лесоводства.

Прежде всего надо иметь в виду, что форма ареала характеризует отношение древесной породы к климату, особенно же к теплу. Если при выяснении отношения древесных пород к условиям существования применение экспериментального метода вообще затруднительно, то пользование им особенно ограничено в применении к теплу. Поэтому до настоящего времени при характеристике потребности древесной породы в тепле прежде всего обращается внимание на ее географическое распространение. И если этот метод оценки потребности растения в тепле не может претендовать на особую точность, то все же им приходится все время пользоваться. При этом понятно, что изучение ареала древесной породы может и для этих целей быть плодотворным лишь в том случае, если параллельно идет и обстоятельный ее морфологический анализ.

Не меньшую роль изучение ареалов древесных пород может играть при установлении деления страны на однородные в естественно-историческом отношении районы, имеющие вообще многостороннее значение. Вся лесокультурная, как и агрономическая, работа должна быть приурочена к таким районам. Особенное же значение установление последних приобретает при организации правильной сети опытных учреждений. Важность приурочивания опытных станций, лесничеств и тому подобных учреждений каждого к особому району достаточно ясно. И вот в деле установления таких районов распространение древесных пород оказывает крайне ценные услуги.

Часто детальное изучение почвы и климата не дает в этом отношении того, что может дать изучение распределения и распространения растения. Растение в процессе эволюции приспособлялось к этим условиям, оно в себе как бы осуществляет их синтез. Особенно же важное значение имеют древесные породы. Обладая продолжительной жизнью и выставляя свои надземные органы в атмосферу и зимою, они особенно полно выражают этот синтез факторов существования.

Если же принять во внимание, что многие из них, более чем какие-либо другие растения, склонны к социальному образу жизни и обладают массовым распространением, то станет понятным, почему уже

издавна географы при установлении деления стран на естественно-исторические однородные районы уделяли преимущественное внимание распространению древесных пород.

В виду важности точного установления географического распространения древесных пород еще в 1893 г. на собрании международного союза лесных опытных учреждений в Вене была указана необходимость изучения этого вопроса всеми странами. Это постановление нашло свое осуществление прежде всего в Германии, где была образована из ряда авторитетнейших немецких лесоводов комиссия, которая выработала общие принципы и план этой работы, принятые затем собранием союза немецких лесных опытных учреждений в 1895 г. Тогда же решено было снестись дипломатическим путем со всеми европейскими государствами для организации совместного изучения этого вопроса. Собранные в Германии материалы пока опубликованы в двух весьма обстоятельных работах *Денглера* (1904, 1912) о горизонтальном распространении сосны, ели и пихты. Другие западно-европейские страны также приступили уже к этому делу.

В 1910 г. на Брюссельском с'езде международного союза лесных опытных станций представители лесного опытного дела Австрии и Пруссии повторили просьбу о начале такого рода исследований в России. Под влиянием этого в том же году Постоянная Комиссия по лесному опытному делу решила начать изучение распространения русских важнейших древесных пород. Однако осуществить это решение ей не пришлось до сих пор. Теперь Лесной Отдел С. Х. Ученого Комитета включил этот вопрос в число своих блишайших задач и уже приступил к этой работе.

При изучении ареалов близких видов имеет большое значение обстоятельное изучение их контакта. Изучение здесь всего наблюдающегося цикла форм позволяет выяснить характер того варьирования их, которое обычно здесь наблюдается, и ответить на вопрос, что в данном случае имеем-ли мы постепенный переход одной расы в другую, в связи в соответствующим изменением условий существования, или же наблюдаемые промежуточные формы есть результат гибридизации сталкивающихся здесь пород, т. е. эти формы будут, так называемыми, комбинациями. Решение этого вопроса имеет большое значение и для практики, так как позволяет судить о том, являются ли эти переходные формы постоянными, или же можно ожидать, что они будут в дальнейших поколениях расщепляться, что, конечно, далеко не безразлично при желании ввести эти формы в культуру.

Уж и этот пример показывает, что одного выделения формы по морфологическим признакам и изучение его ареала может быть не достаточно даже для целей практики лесоводства. Необходимо выяснение происхождения (генезиса) этой формы. Сплошь и рядом и в других случаях одна обработка в духе старых систематиков-морфологов еще мало дает лесоводству.

Лесоводу важно установить экологическое (физиологическое) однородство индивидуумов, относимых к данной систематической единице, т. е. цельность ее бионта. Последний же стоит в связи не с отдельными морфологическими признаками, а с „морфомой" ее, на что совершено справедливо настойчиво указывал *Р. Э. Регель*. Однако форма с особым бионтом может быть внешне не всегда резко проявляться морфологически. Сплошь и рядом мелкие формы, отличающиеся хотя и рядом признаков, но не резких, не бросающихся в глаза, имеют раз-

личные экологические особенности. Но такие формы с определенным биотом будут всегда генетически обособленными.

О соотношении физиологии с генетикой форм определенно писал еще в 1901 г. *А. В. Комаров*. Так, характеризуя выдвигавшуюся им в качестве основной систематической единицы „расу", он пишет „со словом „раса" мы соединяем преимущественно понятие о генетической связи между неделимыми данной группы растительных индивидуумов. Иначе, слову раса мы придаем главным образом физиологическое значение, мало заботясь о величине и значительности тех морфологических черт, которые подлежат передаче". Поэтому то для практики имеет значение установление именно определенных генетических единиц. Особенно это будет важно при селекции древесных пород. Наконец, выяснение их генетического родства, выяснение, какие из форм стоят между собою в более близких, какие в более далеких отношениях, даст указания на ожидаемые сходства или различия их экологических, а следовательно и лесоводственных свойств.

Таким образом, разрешение конечной задачи современной систематики — установление филогении растительного царства, в приложении к древесным породам—даст как раз то, что и в праве требовать лесоводы от систематики. Я не говорю уже о том, что строго научная разработка систематики древесных пород может открыть такие горизонты для практики, о каких мы и не можем сейчас иметь представление. Вся история наук показывает, что сплошь и рядом чисто научная разработка даже таких вопросов, которые, казалось бы, стоят далеко от непосредственных запросов практики, приводит в конечном результате к выводам, имеющим огромное значение в хозяйственной жизни человека. Поэтому на очереди стоит строго научная систематическая обработка древесных пород в духе современной генетической систематики. Время работ чисто формальной систематики, не одухотворенной определенной идеей, устанавливающей формы и разновидности лишь на основании их внешней морфологии без критики их с точки зрения филогении, отошло.

Если и в Западной Европе еще многие древесные породы ждут обстоятельного систематического изучения, то в отношении России такое изучение их можно сказать только начинается. Принимая же во внимание обширность территории нашего отечества и то, что многие породы в пределах его занимают обширные ареалы, можно уже à priori ждать, что наша дендрологическая флора даст богатейший материал для научной систематической обработки и установления форм, важных для лесоводства. Насколько в этом отношении скудны наши сведения, может показать хотя бы следующий пример.

Так, для нашей обыкновенной ели было в разное время описано не мало различных форм и разновидностей.

Еще в 1833 г. Ледебур отличил сибирскую ель от европейской, дав первой наименование Picea obovata Led., вид, распространенный, начиная с северо-востока Европейской России, во всей Сибири вплоть до Дальнего Востока, тогда как P. excelsa Link. является формой собственно европейской. Однако между систематиками до сих пор нет единства в воззрениях на эти две ели: одни считают их за вполне самостоятельные виды, другие лишь за разновидности или формы. Установлены эти два вида были, главным образом, на основании форм края чешуй, именно, у P. excelsa края чешуй вверх скошены и часто на вершине зубчаты, а у P. obovata закруглены и цельнокрайны. Не выясненным же остается следующее:

1) насколько постоянен вообще этот признак и каково его систематическое значение;

2) насколько он зависит от климатических и других условий существования. (Известно, что в горах и на севере Европы чешуи шишек Picea excelsa принимают закругленную форму);

3) связан ли этот признак с какими-либо другими постоянными отличиями этих форм;

4) где проходит граница между этими двумя формами;

5) что представляют собою ели с закругленными краями чешуй, которые изредка попадаются среди ареалов типичной Picea excelsa (напр., в Московской г., Брянских лесах, западной части Псковской губ., под Петроградом, в Швеции и проч.).

Выяснение этих вопросов интересно не только в целях установления систематического достоинства этих двух форм, но и в практическом отношении.

Восточно-сибирская ель, насколько можно сейчас думать, отличается по своим лесоводственным свойствам от европейской. Она имеет более медленный рост, более плотную древесину, пред'являет иные требования к почве, обладает большею смолистостью, что не может не иметь значения в ее борьбе с паразитами, и пр.

Однако подробное выяснение лесоводственных свойств этой формы также еще стоит на очереди.

Возникает все же вопрос: указанные лесоводственно важные отличия свойственны ли именно P. obovata или, быть может, их свойства соответствуют расе ели, нами еще не отличенной систематически, область распространения которой может и не совпадать с P. obovata. Так как морфологическое однородство ни P. excelsa, ни P. obovata не установлено, их систематическое значение не выяснено, то постановка такого вопроса является вполне естественной. Точное же разграничение рас ели и их ареалов укажет, где нужно брать материал для сравнительного изучения лесоводственных свойств этих рас.

В виду этого начатое отделением лесной ботаники Лесного Отдела С. Х. Ученого Комитета изучение ели прежде всего поставило вопрос об отношение Picea obovata к excelsa.

Первою задачею было проверить, действительно ли существуют другие морфологические отличия между этими двумя елями, кроме формы чешуй, на что уже было указано в литературе. Так, еще в 1879 году Федорович указывал, что для всходов P. obovata характерно 6—7 семядолей, а для всходов P. excelsa 8—9. Он, производя в этом направлении опыты в Казанской губ., в 1874 году высеял рядом в одинаковых условиях семена P. excelsa, полученные из Риги, а P. obovata из Пермской губ. В 1875 г. им были выписаны семена как той, как и другой елей, полученные от торговца из Петербурга.

Этот вывод, который сделал Федорович из этих данных, основывался, как видим, на небольшом материале. Чтобы его проверить, мною был взят 21 образец семян ели из 14 губерний Евр. России, в том числе и из Пермской и Арханг. губ., и высеяны все в 1918 году в питомнике дендрологического сада петроградского Лесного Института и затем были подсчитаны семядоли всходов.

Оказалось, что вывод Федоровича не подтверждается. Напротив, за исключением лишь Нижегородской губ., где число семядолей в среднем около 6, в остальных оно в среднем колеблется между 7 и 8, лишь в Вятской несколько меньше. Самое большее, что можно сказать, это то, что замечается лишь легкая тенденция к постепенному умень-

шению числа семядолей с запада на восток, но и это уменьшение выражается в среднем лишь одной семядолью.

Кроме этого признака *Федорович* еще указывает, что у семядолей „ребра игол ели сибирской изредка покрыты шипиками, а ребра иглы обыкновенной ели представляют пилообразные зазубрения". Тщательное исследование в этом направлении семядолей перечисленных мною образцов показало, что такого различия совершенно нельзя подметить. Во всех случаях лишь одно внутреннее ребро трехгранных семядолей несет короткие островатые шипики, густота расположения которых варьирует у той и другой елей без заметной правильности.

Остальные отличительные признаки этих двух елей, указанные *Ледебуром*, именно то, что у P. excelsa иглы заострены и шишки висячие, а у P. obovata иглы острые и шишки обращены вверх, не могут быт приняты, так как ошибочность указания на прямостоячесть шишек у P. obovata была раз'яснена Теплоуховым (1872) и Кеппеном (1885), а различия в остроте хвои так незначительны и эта острота так колеблется даже на одном дереве, что в настоящее время считать ее диагностическим признаком трудно.

Теплоухов (1872) кроме того отметил, что у P. obovata шишки мельче, чем у P. excelsa. Действительно, шишки ели в Сибири значительно меньше по длине, чем в большей части Европы, но как это видно из цифр длины шишек ели из различных мест России, приводимых *Теплоуховым*, длина еловых шишек постепенно уменьшается, подвигаясь к востоку, на что и было обращено внимание *Кеппеном*. Это же хорошо видно и из данных, приводимых в работе *А. Н. Соболева* и *А. В. Фомичева* (1908).

В. поисках за отличительными признаками этих двух елей я обратился к изучению анатомического строения хвои.

Не приводя сейчас здесь всех полученных обширных материалов по количественному учету анатомических особенностой хвои ели из разных мест, что будет сделано в особой статье, могу сообщить следующие намечающиеся выводы:

1) в анатомическом строении хвои также заметна разница у елей из различных географических мест, но эта разница не находится в связи с формой чешуй.

2) начиная от Байкала и восточнее заметны следующие особенности у ели по сравнении с европейской и западно-сибирской: а) большее число стереид в центральном цилиндре, б) меньшее отношение высоты поперечного разреза хвои к его ширине, т. е. хвоя более плоская, в) более крупные смоляные ходы, г) хвоя вообще более толстая. Этими особенностями, но несколько в более слабой степени, характеризуется и алтайская ель.

Таким образом мы можем сделать тот интересный вывод, что анатомическим строением хвои отличается не P. obovata от P. excelsa, а восточно-сибирская и алтайская ель от западно-сибирской и европейской.

Конечно, интересно будет распространить такое сравнительное изучение и на другие органы ели, в частности на цветы. Но уже приведенные выводы позволяют думать, что в систематическом отношении, быть может, придется у ели различать особые географические расы, не совпадающие с установленными до сих пор двумя формами.

Я остановился подробно на ели, чтобы показать, что лишь едва начатое более тщательное изучение систематики этой древесной породы

уже сразу наметило очень интересные заключения об отношении восточной ели к западной.

В таком же положении находятся и другие наши важнейшие древесные породы, как сосна, дуб, лиственница.

Из всего вышесказанного ясно, что изучение наших древесных пород должно вестись в духе новейшей систематики, при которой изучение внешней и внутренней морфологии идет параллельно с изучением географического и топографического распространения вида и его подразделений и когда исследователь, ставя себе конечной задачей выяснение филогении данной систематической группы, во все время работы не упускает этой мысли из виду, имея ее свой руководящей идеей.

Такой путь систематической обработки древесных пород ведет к особенно внимательному изучению изменчивости и наследственности признаков. Уже тщательное изучение изменчивости вызывает необходимость не ограничиваться одним исследованием гербарных материалов, а требует, с одной стороны, наблюдений в природе, с другой—постановки известных опытов. Вопросы наследственности, в частности вопрос о константности устанавливаемых форм, в конечном итоге часто также приводит к необходимости эксперимента. Правда, что последний в области вопросов наследственности у древесных пород не обещает скорых результатов, но все же без него обойтись во многих случаях нельзя. В этом отношении необходимо создание таких условий, чтобы подробные опыты организовывались не отдельными лицами, а целыми научными учреждениями, чтобы иметь возможность обеспечить непрерывность наблюдений и преемственность работы не на одно десятилетие.

Таким образом, очередными задачами русской дендрологии прежде всего являются:

1) установление подвидов, рас и форм наших древесн. пород,

2) точное выяснение ареалов, как видов в Линнеевском смысле, так и слагающих их более мелких таксономических единиц,

3) установление генетических взаимоотношений между этими единицами и выяснение филогений наших древесн. пород.

На этой базе должна вестись разработка и двух важнейших вопросов современного русского лесоводства, которые настойчиво выдвигаются жизнью, именно: 1) изучение влияния происхождения семян, или, точнее выражаясь, изучение экологических свойств мелких форм, слагающих виды, и 2) вопроса о селекции древесных пород, долженствующей улучшить состав наших лесов. Если генетика, т. е. учение об изменчивости, наследственности и происхождении растительных форм, в агрономии является общепризнанной ныне основой селекции, то тем более она важна для селекции древесных пород. Древесные породы благодаря своей поздней возмужалости потребуют выработки особых методов своей селекции, что может быть сделано только с помощью генетики. Знание законов генетики поможет избегать ошибок в селекции древесных пород, где ошибки гораздо более тяжелы, чем при селекции травянистых растений.

Одним из первых розультатов дендрологического изучения России должно явиться составление порайонных справочников по дендрологии России, имеющих столь большое значение при обширности, как в долготном, так и в широтном направлениях, лесной полосы России, а в силу этого и разнообразии пород, слагающих наши леса.

Для осуществления указанных выше очередных задач русской дендрологии прежде всего необходима организация экспедиций в те места, откуда особенно важно иметь материал по древесным породам и где необходимо произвести изучение пород на месте. Так как во многих случаях нельзя обойтись без применения методов вариационной статистики, для которых важно иметь массовый и определенным образом собранный материал, то поездки на места лиц, научно подготовленных для такой работы, являются обязательными. Кроме того надо иметь в виду, что ни гербарии, ни даже наблюдения в культуре не дадут исследователю, во-первых, того массового количества индивидуумов данной древесной породы, которые пройдут перед его глазами на месте, и, во-вторых, наблюдения в природных, свойственных данному виду, условиях не могут быть заменены наблюдениями его в культурных, всегда более искусственных, условиях.

Когда после такой систематической работы в поле изучающий возьмется за исследование гербария, он будет смотреть совершенно иными глазами на то разнообразие форм, которое он здесь будет иметь; у него будет уже критерий для оценки систематического значения этих форм. Наконец, изучение породы в природе наметит ему вопросы для опыта и укажет пути к их наиболее лучшей постановке.

Как ни важны и необходимы экспедиции на места, однако они, конечно, не могут охватить даже главнейшие древесные породы на всем протяжении их ареалов. Чтобы выяснить ареалы их достаточно подробно, чтобы иметь материал возможно с большего числа мест, необходимо привлечение местных деятелей — лесничих. Только с их помощью возможно получить исчерпывающие данные о географическом и топографическом распространении наших лесных пород и иметь материал для исследования из разных частей их ареалов.

Опыт западной Европы показывает, как много могут сделать для науки в этом отношении лесничие. (См. напр. работы Денглера о распространении сосны, ели и пихты в Германии). Хочется думать, что и русский лесничий не откажется внести свою посильную лепту в дело изучения наших древесных пород, важное не только в научном отношении, но и в практическом. Ведь в естествознании вообще нет знания без пользы, но весь вопрос только в том, как скоро получатся из добытых фактов практические применения. В данном же случае практическая польза не заставит себя долго ждать.

Целлюлозное и древесномассное производство в их отношении к лесному хозяйству России.

Доклад Л. П. ЖЕРЕБОВА.

Получив предложение Организационного Комитета прочесть доклад на эту тему, я долго колебался принять это предложение. Признаюсь, до самой Конференции это сомнение не оставляло меня. Мне казалось, что мой доклад будет излишен, что этот вопрос будет достаточно освещен как членами Конференции лесоводами, так и представителями того учреждения, в руках которого находится судьба этой промышленности. Но день за днем следя за ходом Конференции, с большим вниманием слушая доклады специалистов лесного дела, я все более убеждался, что мой доклад действительно необходим. Ведь мы совсем не видим на Конференции руководителей лесной промышленности или их представителей.

На Конференции должен был обсуждаться вопрос об организации добычи древесины, об изменениях во взаимоотношениях правительственных органов, ведающих лесовозращением с одной стороны и его использованием — с другой, о необходимости восстановить хозяйство в лесах вместо их варварского истребления. Это было известно Главному Лесному Комитету, но где же его представители, которые должны были бы совместно обсудить все сложные вопросы, затрагивающие этот основной нерв государственного хозяйства России?

Мы их здесь не видели. Я ожидал, что представители Главного Управления бумажной промышленности выскажут здесь свои требования и свои пожелания, но мы их также не видим. Нет и представителей Химдревправления и Главкустпрома, казалось-бы тоже заинтересованных в правильном потреблении древесины. Словом, ни одно учреждение, которое является потребителем древесины, которую вы производите, не пожелало принять участия в разработке вопросов, так тесно связующих эти две функции, как будто никто из них не заинтересован в лесном хозяйстве, как в одной из крупнейших отраслей государственного хозяйства.

Такое отсутствие руководителей государственной промышленности налагает на меня, как представителя соответствующей кафедры, обязанность осветить вопросы, связанные с промышленностью переработки древесины.

В. И. Майер докладывал нам о запросах промышленности, но докладывал, как лесовод. Он указал нам, сколько по запросам Главлескома требуется топлива и пиленого материала, сколько требуется шпал и сколько балансов по запросу Главбума и в какой мере и какими путями лесоводы могут удовлетворить эти требования. Более глубокий

анализ этих промышленных запросов не входил в его задачу — это задача тех, кто близко соприкасается с этою промышленностью. Он не ответствен за эти цифры, так как он их взял так, как оне были пред'явлены руководителями промышленности. Он не хотел рассматривать и дальнейшую эволюцию этих цифр — это вне его интереса и задачи. Но можем ли мы пройти мимо этого анализа, мимо этой эволюции? Конечно, нет! Ведь лесовод имеет дело с лесом, который растет от 40 до 150 лет. Это не злак, не травянистое растение, род и вид коих мы можем в зависимости от частно-хозяйственной или государственной потребности менять на своем поле хоть ежегодно. Лиственную или хвойную армию нельзя мобилизовать ни в годичный, ни в десятилетний срок, ее не двинешь с места, не дашь приказа: лиственная колонна, вперед, хвойная — направо! Диспозиции должны писаться задолго вперед, и лесовод должен зорко смотреть не только за своею зеленою армиею, но и за тем, как идет борьба его страны на мировой арене? А оружием страны в борьбе за свою культуру является промышленность. Вы видели уже из докладов, как тесно связаны культура и промышленность. Вам говорили, что статистические анкеты с мест будут писаться теперь гусиными перьями на бересте, что плакаты по лесоустройству и лесохранению нельзя отпечатать за отсутствием бумаги. Профессор Ткаченко сообщил вам, что целый ряд брошюр по той-же причине лежит подготовленный к печати в его портфеле. И разве вам не кажется чем-то диким, что вы не можите выполнить этих необходимых для вашего леса мероприятий, когда тот-же лес даст и сырье и топливо для нужной вам бумаги. Здесь говорилось, что лесовод всегда знал только ростить и сводить лес, а куда шел этот сведенный лес, это было делом промышленника. Неоднократно звучала застарелая боязнь промышленности. И в применении механизации к заготовкам, и в приписке лесных площадей к предприятиям для многих чувствовался страх за свой дорогой любимый лес. Нет, не надо бояться внедрения промышленности в лес. Надо знакомиться с нею, узнать ее и благодаря этому приобрести властный голос в решении вопросов, касающихся лесной промышленности, взятой в самом широком об'еме. Скажу более — теперь, когда брошен лозунг самопитания и самосодержания, вы более чем кто-нибудь могли-бы подхватить этот лозунг и благодаря применению промышленности с вашим сырьем и топливом могли бы произвести мелиоративные работы, содержать хорошо обученную стражу, увеличить кадр лесничих, дать им основательную подготовку, умножить число опытных хозяйств, усилить научную работу по всем вопросам лесного хозяйства и обеспечить всем сотрудникам в лесном хозяйстве человеческое существование. Но если бы и не вы сами, не лесное ведомство вело производство лесных продуктов, а какие-либо другие государственные органы, или частные предприятия, то все-таки вы должны употребить все свое влияние, всю свою энергию, чтоб древесина выпускалась из леса в виде более ценных продуктов.

Только тогда вы получите, хотя и из чужих рук, хотя часть тех средств, какие вам необходимы для удовлетворения всех перечисленных потребностей лесного хозяйства.

Не забывайте, что каждая выращенная вами кубическая сажень древесины даст по ценам довоенного времени:

в дровах . . . . . 15— 18 рублей.
„ березовых дровах для фанеры . 22— 35 „

в бревнах	24— 30 рублей.
„ досках	50— 75 „
„ фанере	170—230 „
„ древесной массе	140—160 „
„ целлюлозе небеленой	150—170 „
„ „ беленой	175—225 „
„ бумаге	350—440 „
„ пряже и тканях	300—500 „
„ вискозе	7.500 „
„ вискозном шолке	15.000 „
„ ацетил-целлюлозе	25.000 „

Таково значение промышленности для выращенного вами леса.

В. И. Майер, указывая на необходимость экспорта пиловочного леса при недостатке его для будущего собственного потребления, говорил: „но жизнь требует своего". Я сказал-бы на это — не жизнь, а плохая экономическая политика, какую мы вели при царизме и, кажется, будем еще в большей мере вести при социализме. Позвольте иллюстрировать это цифрами. Я извиняюсь, что многие цифры являются устаревшими, но новых к сожалению нет: жизнь с 1914 г. приостановилась, да и те цифры которые мы теперь смогли-бы получить, не показали бы нам нормальное изменение промышленности.

Нижеследующая таблица [1]) показывает нам экспорт леса различными богатыми лесом странами в миллионах кубич. футов.

	Россия.	Финляндия.	Ав.-Венгрия.	Швеция.	Норвегия.	Канада.	С.-Штаты
1901 г.	225	—	222	216	63	81	66
1902 г.	211	168	222	224	69	61	55
1903 г.	254	187	262	234	75	68	47
1904 г.	250	171	267	214	63	56	65
1905 г.	270	175	253	206	65	49	45
1906 г.	337	185	263	223	71	47	53
1907 г.	343	199	273	235	67	40	73
1908 г.	373	215	250	—	—	42	69
1909 г.	421	211	243	—	—	35	—
1910 г.	417	210	—	—	—	—	—
1911 г.	418	220	—	—	—	—	—
1912 г.	425	224	—	—	—	—	—
1913 г.	461	231	—	—	—	—	—

Мы видим, что за время перед войною только Россия и Финляндия увеличивали свой экспорт леса, причем за 11 лет Россия увеличила свой экспорт на 120%, а Финляндия — на 28%. Канада непрерывно уменьшала свой экспорт, другие государства держали свой годичный экспорт приблизительно на одном уровне. Можно было-бы думать, что мы являемся богатейшею лесом страною, а между тем леса приходилось на одного жителя:

в Финляндии	5,25 десятины
„ Швеции	3,72 „
„ Соед. Штатах Америки	3,39 „
„ Норвегии	3,10 „
„ Европейской России	1,66 „

[1]) Цифровые данные взяты частью из доклада Н. Г. Шевлягина Совету С'ездов, частью из доклада Г. Р. Спельмана Комитету по делам бумажной промышленности и терговли.

т. е. мы являемся не богатейшими, а стоим на последнем месте в ряду этих стран. Одна Финляндия м. б. имела бы право допустить себе эту роскошь вывозить излишний для страны пиловочный лес, но она, как видите, увеличила свой экспорт только на 28%, тогда как мы — на 120%.

Но и этот лес мы вывозили в значительной мере в необработанном виде. Мало того, в то время как другие государства постепенно перешли на экспорт пиленого материала, мы все более отступали на позицию некультурной страны.

Так, из всего леса, привезенного нами в Англию, являющуюся крупнейшею потребительницею нашего леса, было ввезено:

	Необделанного.	Обделанного.
в 1901 г. . . .	38%	39%
„ 1911 г. . . .	65%	48%

т. е. в 1901 г. экспорт необделанного и обделанного были ровны; в 1911 г. необделанный почти в $1^1/_2$ раза превышает экспорт обделанного. За последнее время перед войной усилился спрос на балансы для целлюлозного производства; как же удовлетворялся этот спрос богатыми лесом странами? Посмотрим на импорт балансов в Германию, крупнейшего импортера этого леса.

	1907.	1908.	1909.	1910.	1911 г.	
Общий привоз	745	833	1065	969	771	тысяч тонн
В том числе из России . .	409	538	806	708	581	„ „
„ „ „ „ Финляндии	84	34	18	13	6	„ „
„ „ „ „ Ав.-Венгр.	251	260	240	247	183	„ „

т. е. опять-таки в то время как Россия увеличила вдвое свой импорт в Германию, Финляндия свела его на-нет, а родственная Австро-Венгрия уменьшила в $1^1/_2$ раза. Если сопоставить весь экспорт балансов из России и Финляндии в миллионах кубич. метров, то получим такую картину.

	Россия.	Финляндия.
1902 г.	3	11
1903 г.	3	17
1904 г.	7	22
1905 г.	5	26
1906 г.	12	17
1907 г.	16	14
1908 г.	28	13
1909 г.	36	10
1910 г.	36	9
1911 г.	32	6
1912 г.	57	9
1913 г.	91	—

Все самые богатые лесом страны Европы не только прекратили свой экспорт балансов, но стали ввозить к себе русские балансы. И весь этот баланс шел не для собственного потребления, а для переработки на своих фабриках и дальнейшего экспорта в малолесистые государства. Так еще в 1907 г. экспорт бумажных товаров составлял:

для Финляндии . . . 84% ее производства
„ Норвегии. . . . 77% „ „
„ Швеции . . . . 54% „ „

а за последующие годы этот % еще более возростал.

В заботах об увеличении рессурсов государства все лесные страны стремятся экспортировать свою древесину в форме продуктов более совершенной переработки ее. Если посмотрим, как наши соседи переходили к этому более совершенному сбыту своей древесины, то увидим следующее (экспорт Финл., Швеции и Норвегии).

Финляндия.

	1906	1907	1908	1909	1910	1911 г.г.	
Лесной товар.....	5.9	5.7	6.1	6.1	6.0	6.3	милл. куб. метров.
В том числе балансов.....	0.5	0.4	0.4	0.3	0.3	0.2	„ „ „
Древесной массы..	2.5	1.8	1.8	2.1	2.2	2.8	миллион пудов.
„ картона	2.4	2.3	2.4	2.4	2.7	2.8	„ „
Целлюлозы	0.8	1.8	2 0	2.1	3.0	4.0	„ „
Бумаги	3.6	4.5	4.7	4.8	6.4	7.4	„ „

Швеция.

	1881	1901	1907 г.г.	
Лесной товар почти исключ. обделанный	—	6.0	6.7	милл. куб. метров.
Вывоз бумаги.....	0.4	4.0	8.5	„ „ „
При производстве ее.....	1.1	7.0	13.5	„ „ „

Норвегия.

	1879	1886	1895	1905	1906	1913 г.г.	
Лесной товар	7.0	—	—	1.8	1.9	—	милл. куб. метров.
Древесная масса ..	0.5	3.0	6.0	11.0	12.5	—	милл. пудов.
Целлюлоза	—	0.2	3.0	—	9.0	12.0	„ „
Бумага и картон..	0.18	0.28	1.7	4.8	—	14.0	„ „

А с 1908 г. непрерывно растет ввоз леса из России.

Таким образом мы видим, что в Финляндии в течение только 5-ти лет, когда вывоз пиловочного товара стоял на одном уровне, также, как и экспорт древесной массы и картона, экспорт целлюлозы возрос в 5 раз и бумаги в два раза. Швеция за шесть лет также почти не увеличила свой экспорт пиловочного материала, но вывоз бумаги увеличила более чем в два раза. Норвегия непрерывно сокращала все время свой экспорт пиленого материала, но все время увеличивала свой экспорт древесной массы и целлюлозы, а вывоз бумаги за последние 5 лет увеличила, как и Швеция, более чем вдвое.

Если мы теперь посмотрим на Россию, то увидим совсем обратную картину. Мы видели, как Россия усиливала свой экспорт не обработанного материала, импорт-же бумажных товаров она напротив непрерывно увеличивала. Следующая таблица показывает наш рост потребления бумаги, ее производства в России и ввоза бумаги из-за границы.

	Потребление бумаги.	Собственное производство.	Ввоз из-за границы.	% ввоза к собств. производству.
1888 г.....	5.664 тыс. пуд.	4.900 тыс. пуд.	764 тыс. пуд.	13.6
1893 г.....	6.579 „ „	5.500 „ „	1.079 „ „	19.6
1900 г.....	13.339 „ „	10.800 „ „	2.529 „ „	24.5
1908 г.....	19.975 „ „	15.000 „ „	4.975 „ „	35.0
1910 г.....	23.909 „ „	17.535 „ „	6.374 „ „	36.2
1911 г.....	26.603 „ „	19.421 „ „	7.185 „ „	37.0
1912 г.....	28.605 „ „	21.025 „ „	7.580 „ „	36.1
1913 г.....	32.454 „ „	23.500 „ „	8.954 „ „	38.0

Таким образом мы видим, что собственное производство не поспевало за ростом потребления и должно было покрываться импортом из-за границы, который непрерывно увеличивался, перед войною достиг уже почти 40% своего производства.

Вы видите также, как быстро возростал этот %, и если бы так производилось далее, то очень скоро половина всей требующейся нам бумаги ввозилась-бы к нам из Финляндии или Норвегии, но сработанная из вырощенных вами балансов. Значительная часть той разницы в стоимости кубич. сажени сырой древесины и полученного из нее готового продукта, которую мы ранее видели, останется в Финляндии или Норвегии на улучшение и развитие их лесного хозяйства и на улучшение условий существования их работников леса, а вы, выростившие эти балансы в таких невозможно тяжелых для вас жизненных условиях, вы не будете в силах ни отпечатать нужных для спасения леса плакатов, ни издать необходимых для лесного образования книг.

По этому вы должны не бояться того, что аппарат механизации заберется в ваш лес и овладеть им, приспособиться к нему и приспособить его, чтобы с наименьшими затратами труда и силы добыть требующуюся древесину. Не бояться промышленности, а изучать ее, чтоб иметь возможность получить максимальную стоимость за свой лес.

Мы уже видели, что пиловочной древесины нам скоро будет недостаточно для экспорта и внутреннего потребления.

Очень серьезным, по словам В. И. Майера, является и снабжение страны дровяным лесом; и только в отношении балансового леса он считает, что мы имеем в 6 раз более, чем можем употребить. Попробуем ближе подойти к этому делу и определить, какое количество леса нам необходимо для этой цели?

Мы видели, что наше потребление бумаги равняется 32.454.000 пудов, из коих около 9 милл. пудов мы получаем из-за границы. Очевидно, первою нашею задачею является дополнить собственное производство этими девятью миллионами пудов. Затем мы должны рассчитать то потребление бумаги, какое нам предстоит иметь в ближайшем, а затем и более отдаленном будущем. Чтоб определить хотя приблизительно то потребление, какое мы должны ожидать в ближайшем будущем, нам необходимо посмотреть наше потребление в предыдущее время и сравнить его с потреблением и ростом этого потребления в других странах. Рост этого производства в странах экспортирующих и рост потребления в импортирующих странах показывает, что ни изобретение бумажной машины в 1799 г., ни введение других крупнейших изобретений и улучшений в бумажном деле не оказало такого сильного влияния, как введение в пятидесятых годах древесно-массного и в шестидесятых — целлюлозного производства. Только с развитием этих производств мы видим резкий под'ем производительности бумаги в лесистых странах и потребления ее во всех культурных странах.

Единственным исключением является Россия: потребление ее остается ничтожным. Мало того; если мы примем потребление Англии за 100, то по данным Н. Резцова потребление других стран выразится след. образом:

	Начало XIX века.	Начало XX века.
Англия	100	100
Германия	48	80
Франция	32.5	58.5
Россия	8.4	8.9

т.-е. через 100 лет все указанные государства еще более сблизились между собою, а Россия стала от них еще дальше.

Тяжелый вывод, но обязателен ли он для нас в дальнейшем? Думаю, что нет. Профессор Ткаченко уже приводил здесь примеры, что научная мысль русских деятелей не ползла рептилиею за западною мыслью, а гордо взлетала вверх и наоборот увлекала за собою научных работников Запада. То же мы видим и в других областях творчества. Везде, где дух и воля не были скованы правительственною опекою, мы не отставали от культурных стран, а быстро догоняли их и нередко становились впереди. Нет сомнения, что и в области промышленной страна, предоставленная собственным силам, сумеет стать на правильный путь.

Излишне повторять, как искусственно задерживалось образование и народное развитие в России. Результаты этого, к сожалению, так резко сказались и сказываются за все время революции. Но можно быть уверенным, что с падением этих пут, опутывавших и опутывающих еще свободное творчество народа, мы тем же темпом пойдем вперед, какой так наглядно выяснился для других стран. Уже первое свободное веяние в 1905 году показало этот сдвиг с мертвой точки.

Душевое потребление бумаги было:

в 1897 г.—	$3^1/_2$	фунта	или	1.4	килогр.	бумаги.
„ 1908 „—	$5^1/_2$	„	„	2.2	„	„
„ 1912 „—	$6^3/_4$	„	„	2.7	„	„

Т.-е. средний годовой прирост потребления за первые 11 лет равняется 0.18 фунта, а таковой же прирост за последние 4 года равнялся уже 0.31 фунта. Ранее рост потребления выражался прямою линиею, идущею под ничтожным углом вдоль линии абсцисс, а с 1905 г. он выражается уже кривою, аналогичною тем, какие, как мы видели, выражали прирост потребления западных государств 50 лет тому назад. Очевидно эта кривая будет теперь следовать той же законности, будет догонять, а не отставать от других культурных стран.

Можно думать, судя по этому приросту, по форме кривой, что чрез 20 лет потребление России будет выражаться приблизительно 15-ю килограммами на человека. Население же Советской России, без Польши, Кавказа, Сибири и трех бывших Прибалтийских губерний, считая наш нормальный прирост, должно составлять в 1940 году — 175 милл. человек.

Следовательно потребление бумаги в 1940 г. должно приблизительно равняться 165 миллионов пудов.

Переход к этой цифре не легок, но она должна быть достигнута и будет достигнута, или страна, как таковая, с собственными задачами, с собственными идеями, с собственною культурою не будет существовать.

Уже одна замена финляндского импорта к нам составляет вместе с целлюлозою, древесною массою и картоном в 1914 году 10.262.000 пудов. Если пересчитать это количество товаров на количество требующихся для выработки их балансов, то получим — 97.000 куб. саж., при чем часть может быть сосновой и пихтовой древесины.

Для производства своих целлюлоз, древесной массы и бумаги Финляндия имела:

Водяных турбин на	90.996	дейст.	лошад.	сил.
Паровых машин на	15.861	„	„	„
„ турбин на	4.206	„	„	„
Двигателей внутрен. сгорания на	35	„	„	„
Всего . . .	111.098	дейст.	лошад.	сил.

Т.-е. 81.9% всей употребляемой в бумажной промышленности силы получалось использованием водяной силы своих рек и водопадов Такое количество силы найдется и у нас; в одних Архангельской и Вологодской губ., где прежде всего конечно должны организовываться эти предприятия, имеется достаточное для производства этого количества бумажного товара водяной силы. Но можно сильно сомневаться, что эта сила поступит в распоряжение бумажной промышленности, а потому нужно расчитывать, что нам придется вырабатывать эти 10 милл. пудов, а равно и увеличивать будущее производство, на паровой силе. Должен указать, что наличность водяной силы не является необходимым условием для развития бумажного производства, но она необходима для древесно-массного производства, как самостоятельного производства.

Производя подсчет, какое количество потребуется топлива для замены того же финляндского импорта, мы найдем, что оно равняется 230.000 куб. саж. А всего следовательно для замены финляндского импорта 1914 года потребуется 327 тыс. куб. сажен.

Для ближайшего же будущего, для выработки в 1940 г. указанных выше 165 милл. пуд. бумажных товаров, потребуется около $1^1/_2$ милл. куб. саж. балансового леса и около 4-х миллионов куб. саж. дров для топлива.

Общее количество балансового леса исчисляется повидимому около 3.7 милл. куб. саж. Если принять, что не все эти балансы могут по местным условиям быть использованы для бумажной промышленности, то нужно признать, что в 1940 году должно потребляться уже более половины всех доступных балансов. Но и в этом счете 3.7 милл. балансов трудно сказать, правильно ли определена пригодность данного материала для бумажного производства? Мне не лесоводу трудно разобраться в этом вопросе, но то что мне приходилось почерпнуть из описания северных лесничеств, из отчетов лесничих Северного края, из частных бесед с ними внушает мне очень большее опасение, что значительное количество придется скинуть из этого запаса балансов, когда ближе подойдем к их использованию.

Надо отметить, что для переработки $1^1/_2$ милл. балансов, исчисляемых мною для 1940 г., потребуется еще около $4^1/_4$ милл. кубич. саж. древесины на топливо для переработки этих балансов. Эти $4^1/_4$ миллиона куб. саж., как мы видели, не фигурировали в тех цифрах какие были сообщены Влад. Ив. Майером.

Что же сказать о тех условиях, какие создадутся после 1940 г.? Ведь народ будет продолжать расти, потребление его в силу повышения культуры будет развиваться в еще большей прогрессии, чем население, а оно еще чрез 20 лет будет составлять уже около 230 миллионов; сколько же тогда должно потребляться древесины для бумажного производства.

Я не буду прибегать к новым вычислениям, чтобы не оторваться от земли и не дать цифр, которые показались бы вам взятыми из какой-нибудь утопии. Я возьму самые реальные цифры, полученные мною из Америки, самого последнего времени. Эти цифры не из популярного журнала, не из „Известий“ и даже не из „Экономической Жизни“. Они получены на основании отчета секретаря с'езда ассоциаци заведующих древесно-массными и бумажными фабриками Америки и Канады.

Вот эти цифры: для производства целлюлозы требуется 3.500.000 куб. саж. и для древесной массы 4.125.000, а всего 7.625.000 куб. саж. балансового леса. Это при населении, которое я определяю, считая прирост с иммиграцией в 2%, для Соед. Штатов—в 120 и для Канады—в 9, а всего в 129 миллионов человек.

Чтобы представить себе ясно это количество, вообразите поленницу балансов трехаршинной длины и вышины, которая тянется от Белого моря на Петроград, затем вдоль нашей западной границы на Кишинев, затем к Черному морю, вдоль его берегов, переходит чрез Кавказ, идет по берегу Каспийского моря, по реке Урал, по Уральскому хребту, от него на Карское море и от него по берегу Ледовитого океана и Белого моря—снова возвращается к отправному пункту. Где же вы возьмете такое количество балансов? А ведь население Америки сейчас, как я указал 129 миллионов, а у нас в 1960 году будет около 230 миллионов, т.-е. чуть не вдвое более.

Ясно, что вы их не достанете. Какой же выход? По моему один. Если в настоящем мы строили и строим наше хозяйство на пиловочный материал, то для будущего мы должны его строить на непиловочный материал. Мировая культурная борьба клонится к тому, что надо готовить новую диспозицию. „Пиловочная колонна назад, непиловочная колонна вперед“. Я хорошо понимаю, каким парадоксом звучит это в настоящее время, но жизнь не стоит на одном месте, она развивается и в своем развитии иногда делает такие крупные шаги, что мы невольно в изумлении останавливаемся, не веря своим глазам. И только оправившись от изумления, мы начинаем искать нормального об'яснения этому поразившему нас явлению. Если при крайней бедности нашей в водяной крупной силе мы прибавим на переработку этих 7.6 миллионов балансов требующееся, как уже было указано, топливо в количестве 2.6—2.8 куб. сажен на каждую сажень балансов, то все количество древесины, требующееся для России по нормам Америки 1921 года, выразится суммою около 20 милл. куб. саж. Невольно остановишься с изумлением перед этою цифрою и задумаешься, как выполнить это требование? Не лишнее указать, с какою быстротою развивается это потребление древисины на получение волокнистого материала. В одном 1920—1921 г. было поставлено 100 новых бумажных машин с общею производственностью в $94^1/_2$ милл. пудов в год, т.-е. в 3 раза превышающею годичное довоенное потребление бумаги в России.

Когда мы столкнулись с такою поражающею нас цифрою, то естественно нужно подумать, как можно ее удовлетворить? Конечно первою задачею является пересмотреть потребление древесины на другие цели и прежде всего я обратил бы ваше внимание на пиловочный и строевой лес, как, повторяю, это не странно на первый взгляд. Но ведь дерево является вовсе не совершенным материалом для устройства человеческого жилища и техника стремится его вы-

теснить из этой области. Деревянная балка заменена железною. Деревянный сруб заменяется кирпичными и бетонными стенами, деревянная крыша—железною, непрерывно щелящийся пол заменяется паркетным, который может быть получен из мелких сортиментов. Даже вечно гниющие и пропускающие холод оконные колоды и рамы уже заменяются бетонными и железо-бетонными рамами. Склеенная фанера заменяет пиленую и в упаковочном деле, и в перегородках, и в подшивке перекрытий и тем вытесняет пиловочный материал. Крайне желательно широкое применение фанеры в устройстве временных бараков для строительных, лесных и т. п. работ. В мебельном деле желательно возможно широкое применение фанеры, что даст сбережение пиловочной древесины и даст лучшую мебель. Необходимо всемерно стремиться к замене строевого и пиловочного материала другим, не сгораемым, не гниющим, не щелящимся, более легким и вырабатываемым из непиловочного леса. Необходимо возможно более вытеснить пиловочный и строевой материал и побудить технику усилить свою работу в этом направлении.

Другой ряд мер—это увеличение удобной лесной площади и что уже всецело лежит на вас лесоводах—это получение возможно большего количества древесины с единицы лесной площади. Думается, что ваше внимание ранее всецело было обращено на пиловочный лес; о нем вы заботились, его прирост наиболее изучали. Как видете, настало время перенести центр тяжести вашего внимания на непиловочный лес, который при серьезном изучении его роста, при мелиорации занятой им лесной площади, при выборе пород, более подходящих к данной почве, при аклиматизации некоторых хвойных пород Америки, может быть — при гибридизации наших пород, как указывал проф. Сукачев, даст нам большее количество древесины с имеющейся лесной площади и тем более отдалит от нас предстоящий мировой древесинный голод.

Не забывайте, что техника научилась получать из вашей древесины помимо хорошо Вам известных бумаги и продуктов сухой перегонки, также пряжу, шпагат, веревку, ткани, приводные ремни, фибру целлюлозу, искусственный шелк, винный спирт и кормовые дрожжи.

В развитии указанной промышленности лежит залог экономического исцеления России; не задержите же этого развития недостатком потребной для нее, выращиваемой вами, древесины.

Проект, составленный Организационным Комитетом Всероссийской Лесной Конференции на основании постановления Конференции 17 ноября 1921 г.

ЛЕСНОЙ ЗАКОН.

Общие положения.

1. Все леса в пределах Российской Социалистической Федеративной Советской Республики, со всеми входящими в состав их земельными и другими угодиями; все, находящиеся в лесах постройки лесохозяйственного значения, с живым и мертвым инвентарем и со всеми принадлежностями, а также побочные в лесах пользования, составляют собственность государства.

2. В состав лесов РСФСР входят земельные площади, покрытые лесонасаждениями, или же предназначенные для выращивания таковых. Вопрос о признании той или иной площади лесною решается губернскими лесными органами. В случае возникновения разногласий по этому вопросу, таковой разрешается окончательно НКЛ по заключению Лесного Ученого Комитета.

3. Эксплоатация всех лесов, находящихся на территории РСФСР, должна производиться на основах правильного лесного хозяйства. Для сего леса должны быть устроены в техническом отношении и иметь исчерпывающее кадастровое описание.

Примечание. Исключение из состава лесов площадей, не имеющих лесохозяйственного значения, или же предназначаемых к подсеке, производится на основаниях и в порядке, установленном (ст. 58) для обращения лесных площадей в другой вид угодий.

4. Целями государственного лесного хозяйства являются: а) производство древесины для снабжения страны потребными ей лесными материалами и изделиями; б) обеспечение общего полезного влияния леса как на естественно-исторические, так и культурные условия в стране и в) извлечение возможно большего в пользу государства дохода от лесов.

5. Для удовлетворения лесных потребностей страны предназначается исключительно годичная лесосека в пределах лесоустроительных планов и смет.

6. В видах наилучшего достижения общего полезного влияния лесов в стране принимаются все меры к охранению их, а также к умножению в местностях засушливых и малолесных.

В тех же целях особой охране подлежат леса, улучшающие общие условия для ведения сельского и водного хозяйства страны, имеющие санитарное и вообще защитное значение (ст. 50).

7. Все неудобные для сельскохозяйственного пользования земли (абсолютно лесные) передаются в государственный лесной фонд для увеличения, путем облесения, площади лесов страны.

8. Отпуск древесины и других продуктов леса производится органами НКЛ исключительно за плату, с торгов или без таковых, в порядке, указанном в настоящем законе.

9. Заведывание всеми лесами РСФСР и всякого рода в них пользованиями, а равно входящими в состав их угодиями и постройками (ст. 1), производятся исключительно распоряжением НКЛ и его местных органов без какого либо вмешательства общих органов местной власти.

10. Все доходы, получаемые от побочных в лесах пользований и тридцать пять процентов от продажи леса, поступают в распоряжение НКЛ для улучшения лесного хозяйства в дополнение к суммам, отпускаемым по текущим сметам НКЛ.

Примечание. Все доходы, получаемые от опытных лесничеств и др. учреждений по лесному опытному делу, а также от научно-опытных и показательных лесных дач и других угодий и заводов, переданных высшим лесным и лесотехническим учебным заведениям, поступают в специальные средства соответственных учебных заведений и НКЛ по принадлежности на поддержание учебной и ученой деятельности учебных заведений и нужды лесного опытного дела.

11. Внутренняя торговля лесом и лесными материалами свободна от всяких запретов.

Управление лесами.

12. Высшее заведывание и управление лесами, а равно лесными учебными заведениями и лесным опытным делом возлагается на Народный Комиссариат Лесов, учреждаемый особым положением.

13. Местное по губерниям управление лесами сосредоточивается в Губернских Лесных Управлениях.

14. Леса разделяются на лесничества, а эти последние на об'езды и обходы,

15. Управление лесами и ведение в них хозяйства по лесничествам возлагается на лесничих.

16. Руководство хозяйственной деятельностью лесничих и ревизия их возлагается на районных лесных инспекторов.

17. При Губернских Лесных Управлениях созываются периодически с'езды и учреждается Лесной Совет. Состав с'ездов и Совета, предметы их ведения и порядок рассмотрения в них дел определяется инструкцией, утверждаемой НКЛ.

18. Для ближайшего исполнения хозяйственных распоряжений лесничего и его помощников состоят об'ездчики и лесники.

19. В об'ездчики и лесники могут быть определяемы только грамотные лица, физически здоровые и не моложе восемнадцати лет. Лица эти освобождаются на время службы от исполнения всяких натуральных повинностей.

20. Для жительства постоянного служебного персонала в лесничествах выстраиваются на счет государства дома со службами, с отводом под усадьбы полутора десятин. Где это

окажется возможным, кроме того отводится по четыре с половиною десятины пашни и покосов столько, сколько потребуется для прокорма скота, необходимого в данной местности для указанного надела; нормы сенокосных угодий вырабатываются губернскими лесными управлениями и утверждаются НКЛ. При увольнении от службы как усадьба, так и земельный участок поступают в распоряжение лесного управления.

21. Все указанные лица имеют право на безденежное довольствие топливом из дач по нормам, устанавливаемым губернскими лесными управлениями, а также на пастьбу в лесу скота в количестве, необходимом для домашнего обихода.

22. Лесничие, помощники лесничих, лесные об'ездчики и лесники для самообороны и охраны вверенного имущества снабжаются огнестрельным оружием, а также патронами к нему.

Охранение лесов.

23. Охранение лесов от самовольных порубок, пожаров, повреждения огнем, скотом и вообще от нанесения им всякого вреда возлагается, под руководством лесничего, на лесных об'ездчиков и лесников.

24. Лица, означенные в ст. 23 сего закона, пользуются при исполнении возложеных на них обязанностей, всеми правами милиции.

25. Все обязаны повиноваться законным требованиям должностных лиц лесничества, когда они находятся при отправлении обязанностей своей службы.

26. Должностные лица лесничества при отправлении своих служебных обязанностей могут употреблять оружие: а) в случаях насильственных порубок, когда порубщики оказывают сопротивление с оружием в руках; б) для собственной обороны против самовольных порубщиков и иных лесонарушителей, хотя и не вооруженных, но готовящихся сделать нападение и в) при преследовании или задержании лесонарушителя, когда он будет препятствовать этому насильственными действиями.

27. Выжигание травы и кустарников на расположенных в лесах, полянах или в расстоянии менее ста саж. от леса без соблюдения предписанных предосторожностей или в недозволенное время воспрещается. Прочие меры от лесных пожаров, а также меры их тушения, устанавливаются постановлениями Губернских Лесных Управлений, утверждаемыми Губисполкомами.

28. Первоначальный призыв на лесной пожар ближайшего местного населения производится должностными лицами лесничества.

29. Распоряжения по тушению лесного пожара принадлежат лесничему или заменяющему его должностному лицу.

30. Лицам, призываемым для тушения лесных пожаров, выдается в установленном порядке вознаграждение за каждый день отлучки их из места жительства.

Устройство лесов.

31. Леса должны быть устроены для ведения в них правильного лесного хозяйства, которое должно заключаться: а) в извлечении из лесов постоянной наивысшей доходности при неистощитель-

ности пользования и возможно всестороннем и полном удовлетворении нужд в лесе и лесных материалах населения, сельского хозяйства, промышленности, торговли и проч.; б) в улучшении состава и роста лесов и в) в наивыгоднейшем постоянном пользовании всеми лесными площадями, входящими в состав лесных дач, при возможном уменьшении непроизводительных участков.

32. Для предначертания правильного лесного хозяйства в лесах составляются, по лесничествам или по отдельным дачам, или по группам дач, планы лесного хозяйства, подвергающиеся периодическому пересмотру при ревизиях лесоустройства.

33. Планы лесного хозяйства составляются и пересматриваются согласно инструкции, составляемой Лесным Ученым Комитетом и утверждаемой НКЛ.

34. По тем лесным дачам, для которых планы хозяйства не составлены или срок действия их уже истек, подлежащими Губернскими Лесными Управлениями составляются временные предположения о хозяйстве, в виде смет на отпуски леса, утверждаемые в порядке инструкции согласно ст. 33.

Пользование лесом.

35. Размер ежегодного отпуска леса из лесных дач определяется сметами.

36. К отпуску по сметам назначается из каждой дачи такое количество растущего леса, какое может быть отпущено без истощения ее в виде главного пользования и проходных рубок (ст. ст. 33 и 34).

37. В исключительных случаях могут быть допускаемы сверхсметные отпуски растущего леса, но не иначе, как с особого в каждом случае разрешения НКЛ и не свыше, в течении одного года, того количества, какое соответствует сумме назначенных на последующие три года сметных отпусков. Произведенные сверхсметные отпуски должны быть покрыты соответственными уменьшениями отпусков в последующие годы.

38. Сверхсметно отпускается властью местных лесных органов: а) лес, поврежденный до степени прекращения роста, сухостой, бурелом с зачетом в сметные отпуски будущих лет в том случае, если таковым лесом заняты значительные площади и б) лес, вырубаемый при прочистках и прореживаниях, а также валежник.

39. Стоимость лесных материалов на корне определяется таксами. Таксы эти составляются Губернским Лесным Управлением по предварительному обсуждению в Лесном Совете и представляются на утверждение НКЛ. Таксы на лес мертвый, пни, корни и на все мелкие лесные материалы, идущие лишь для местного потребления или для кустарных промыслов, утверждаются и изменяются местными Лесными Управлениями.

40. Лесные материалы продаются и отпускаются заготовленными хозяйственным распоряжением НКЛ. В случае невозможности такой заготовки лес может быть отпускаем на корне с учетом по количеству заготовленных материалов, по числу пней срубленных деревъ и по площади, отведенной к рубке.

41. Продажа леса производится предъявлением его к торгам или же в случаях, особо в законе предусмотренных (ст. 45), без торгов.

42. На все продажи леса, производимые с торгов, заключаются договоры. Обязательства, установленные условиями для продажи леса, а равно и ответственность за несоблюдение сих обязательств, распространяются, в чем будет следовать, также и на всех лиц, заготовляющих лес без заключения договора.

43. При отпуске леса с учетом по количеству лесных материалов и изделий, за переруб сих материалов и изделий по длине или толщине, или по тому и другому вместе, против размеров, указанных в лесорубочном билете, с покупщика взыскивается дополнительная плата согласно условиям продажи кроме взыскания, налагаемого согласно ст. 68 сего закона.

44. От установленной имущественной ответственности заготовщик не освобождается и в том случае, если отступление от установленных правил или условий произошло не по его вине, а по вине его служащих и рабочих.

45. Отпуск леса на льготных условиях производится: на общественные надобности, нуждающимся семьям красноармейцев, лицам, состоящим на социальном обеспечении и пострадавшим от стихийных бедствий.

46. На всякую рубку и заготовку леса заготовщику выдается лесорубочный билет, а лесной страже приказ о допущении к заготовке. Кроме того, в случаях, определяемых НКЛ, лесной страже выдается на особом бланке приказание о разрешении заготовщику вывозки отпущенных ему лесных материалов.

47. Подробные правила об отпуске леса из лесных дач, о производстве торгов на продажу такового и условия на продажу устанавливаются особой инструкцией, утверждаемой НКЛ, по предварительном ее рассмотрении в Лесом Ученом Комитете, с участием РКИ и НКФ.

48. Никакое побочное пользование в лесах, как-то: пастьба скота, охота, устройство пасек, рыбная ловля, сбор лесной подстилки, грибов, ягод и проч. не допускается иначе, как на основании особых правил, устанавливаемых для сего НКЛ.

Защитные леса.

49. Из общего пространства лесных дач те леса, которые, в видах государственной или общественной пользы, подлежат безусловному сохранению, носят название защитных и подчиняются, в качестве лесов особого назначения, мерам строгого сбережения.

50. Защитными признаются леса и кустарники: а) сдерживающие сыпучие пески или препятствующие их распространению по морским прибережьям, берегам рек, каналов и искуственных водохранилищ; б) защищающие от песчаных заносов города, селения, железные, шоссейные и грутовые дороги, обрабатываемые земли и всякого рода угодия, а равно те, истребление коих может способствовать образованию сыпучих песков; в) охраняющие берега рек, каналов, прудов и водных источников от обрывов, размывов и повреждений ледоходом; г) произрастающие на горах, крутизнах и склонах, равно как по оврагам и балкам, если, притом, эти леса и кустарники удерживают обрывы земли и скал, или препятствуют размыву почвы, образованию снежных обвалов и быстрых потоков; д) снегозащитные и снегосборные полосы; е) уничтожение или истощение коих

угрожает понижением уровня вод в истоках и верховьях рек и речек; ж) имеющие гигиеническое, эстетическое и культурное значение и з) являющиеся памятниками природы. Защитными могут быть также признаваемы безлесные земельные участки, на которых необходимо разведение защитного леса.

51. Договоры о рубках и расчистках защитных лесов сохраняют свою силу лишь постольку, поскольку они не противоречат планам хозяйства на эти леса.

52. Леса и безлесные земельные участки, признанные защитными, подлежат в срочном порядке обязательному устройству на основании особой инструкции, утверждаемой НКЛ.

53. После признания лесной дачи или ее части защитною, обращение ее почвы в другой вид угодий воспрещается. Сверх того, впредь до утверждения плана хозяйства, в означенных дачах воспрещается всякая рубка растущего леса и пастьба скота.

54. В лесах защитных, в случаях настоятельной в том надобности, с особого в каждом случае разрешения Особого Комитета, допускается для разведения садов и огородов и возведения всякого рода построек расчистка леса на необходимой для того площади, если мера эта не поведет к ослаблению защитной способности таких дач и если бывшая под ними площадь, после уничтожения построек, садов и огородов, будет вновь облесена.

55. Защитные леса вверяются в заведывание Губернских Лесных Управлений, или, по особым постановлениям НКЛ, общественным организациям, научным обществам, учебным заведениям, мелиоративным учреждениям и проч.

56. За труды по лесоразведению на площадях, не бывших под лесом, а равно по укреплению древесною и кустарною растительностью песков, оврагов, горных склонов и берегов рек и речек, по обсадке лесными и плодовыми деревьями водных источников, полей, дорог и усадебной оседлости сельских жителей и т. п., выдаются премии, а в особо выдающихся случаях и почетные награды на основании правил, утверждаемых НКЛ.

57. Экспоненты лесних выставок и лесных отделов других выставок могут быть награждаемы НКЛ особыми медалями.

58. Все вопросы о признании лесных площадей защитными (ст. 50) и об обращении леса в другой вид угодий (ст. 3, 54 и 62) разрешаются Особыми Комитетами, состоящими, под председательством Начальника Губернского Лесного Управления или его заместителя, из: губернского Инспектора лесов и по одному представителю Губисполкома, Наркомзема, Наркомпути, Наркомздрава и Наркомюста. Заседания Комитета считаются законно состоявшимися, если в них присутствовали Председатель или его заместитель и два других члена. В случае несогласия Начальника Губернского Управления Лесов с постановлением Комитета, таковое решение представляется в НКЛ, который решает этот вопрос, по предварительному заключению Лесного Ученого Комитета, окончательно. В том же порядке разрешаются все жалобы на постановления Особого Комитета.

Обращение лесных площадей в другой вид угодий.

59. Для оживления малолюдного севера и северо-востока Евр. России и Сибири из лесов этих районов выделяются площади в

особый колонизационно-землеустроительный фонд. Общие размеры этого фонда и схематическое распределение его по губерниям и уездам, в связи с запросами переселенческой политики, устанавливаются НКЛ по заключению Лесного Ученого Комитета.

60. Всякому выделению из лесов колонизационно-землеустроительного фонда должно предшествовать его техническое обследование в натуре, производимое органами НКЛ и НКЗ. Обследование это должно установить: а) пригодность лесных участков для постоянного сельскохозяйственного пользования; б) отсутствие черезполосности при выделении означенных участков в фонд; в) обеспеченность местного населения древесиной и после расчистки леса на участках обследованного фонда и г) отсутствие характера защитности (ст. 50) у выделяемых в фонд насаждений.

61. Передача выделенных из состава лесов колонизационно-землеустроительных участков в ведение НКЗ производится по утверждении такой передачи НКЛ.

62. В местностях, в коих лесные площади не могут быть зачисляемы в колонозационно-землейстроительный фонд (ст. 59), обращение лесной площади в другой вид угодий допускается, после технического обследования органами НКЛ, лишь в интересах существующего уже сельскохозяйственного пользования на смежных землях и при наличии следующих условий: а) полной пригодности для сельскохозяйственного пользования проектируемых в расчистку мелких лесных участков; б) если расчистка эта не вызовет недостатка в строительной, поделочной и дровяной древесине и г) если при такой расчистке не будет создана черезполосность пользования.

63. В местностях малолесных и безлесных (ст. 62) НКЗ передает НКЛ для облесения малопригодные и неудобные для сельскохозяйственного пользования земли, выделяемые при землеустройстве.

64. Древесина, получаемая при обращении леса в другой вид угодий, поступает в распоряжение местных органов НКЛ для продажи на общих основаниях.

Об ответственности за лесные нарушения.

65. За похищение леса или лесных произведений, уже заготовленных и сложенных, а также из мест складов, устроенных для их хранения, виновные подвергаются наказаниям, определенным за кражу.

66. За похищение из леса дерев, как стоящих на корню, так и буреломных и валежных, или частей их, а также за самовольную порубку в лесах, хотя и без вывоза срубленных дерев, виновные подвергаются принудительным работам на срок от двух недель до шести месяцев, без лишения слободы.

67. Определенному за самовольную порубку наказанию подвергаются и лица виновные:

а) в самовольной расчистке леса и обращении лесной площади в другой вид угодий и

б) в заготовке леса не в отведенных для того участках.

68. Сверх наказания, определенного в 66 статье, лица, виновные в проступках, предусмотренных 66 и 67 статьями, присуждаются к уплате десятикратной стоимости самовольно срубленного или поврежденного леса по таксе.

69. За укрывательство самовольно срубленного другими леса виновные подвергаются принудительным работам на срок от двух недель до трех месяцев, без лишения свободы, и присуждаются к уплате пятикратной стоимости самовольно срубленного леса по таксовой цене.

70. Означенному в ст. 66 наказанию подвергаются и лица виновные:

а) в разведении огня в лесу или в близком от него расстоянии без соблюдения предписанных предосторожностей или в недозволенное время;

б) в оставлении огня непотушенным при отбытии с того места, где он был разложен;

в) в неосторожном курении в лесу табака;

г) в употреблении при охоте воспламеняющихся пыжей и

д) в неявке для тушения лесных пожаров.

71. Если от совершения проступков, указанных в ст. 70 и вообще от неосторожного обращения с огнем, произошел пожар в лесу, то виновный присуждается к принудительным работам на срок от трех месяцев до одного года, с лишением свободы.

72. За недозволенные насечки для добывания смолы или соку, обнажение деревьев для получения коры, лык и т. п., или повреждение растущих деревьев другим образом; за переруб леса в количестве более десяти на сто против назначенного; за вырубку леса не той породы, как было условлено, или же запрещенных деревьев; за заготовку смолы, дегтя, поташа, угольев, лык, мочалы, лубьев или ободьев, дуг, оглобель и тому подобных изделий в количестве более десяти на сто против дозволенного, виновные в том подвергаются: принудительным работам на срок от одной недели до трех месяцев, без лишения свободы.

73. За самовольный увоз дозволенного к рубке леса ранее срока, назначенного для освидетельствования его, виновные подвергаются: денежному взысканию в размере пятикратний стоимости неправильно увезенного леса по таксе.

Тому же наказанию подлежат лица, которые, купив лес, приступят к рубке и вывозке его без установленного разрешения или будут производить оные после означенного в билете срока.

74. За порчу граничных, квартальных, лесосечных и др. хозяйственных знаков виновные наказываются принудительными работами от трех дней до одного месяца, без лишения свободы, и уплачивают стоимость уничтоженного или поврежденного имущества.

75. Похищенный или самовольно срубленный лес и противозаконно заготовленные из него изделия (ст. ст. 66, 67, 69 и 72) отбираются, а в случае невозможности, с виновного взыскивается стоимость леса или изделий по таксе.

76. За самовольную пастьбу скота в лесу или прогон его через лес вне дорог виновные присуждаются к принудительным работам сроком от трех дней до одного месяца, без лишения свободы.

77. Виновные в сборе подстилки и других побочных пользованиях там, где это запрещено, подвергаются принудительным работам от трех дней до трех месяцев, без лишения свободы.

78. При установлении размера наказания увеличивающими вину обстоятельствами считаются учинения лесного нарушения:

а) во второй, третий и более раз со времени отбытия наказания за предшествующие лесные проступки,

б) в лесах защитных или искусственно разведенных,
в) скопом, т. е. группою граждан или селением,
г) в ночное время,
д) из корысти,

79. Не вменяются в вину мелочные порубки, сделанные проезжающими в лесу для необходимой в пути починки.

80. Если лицом, виновным в лесном нарушении, будет оказано при задержании должностным лицам лесничества сопротивление, однако, без насилия, то виновный, независимо от предусмотренного денежного взыскания, подвергается обращению на принудительные работы сроком от одного до шести месяцев с лишением свободы.

81. Если же лицом, виновным в лесном нарушении, будет нанесена лесной администрации угроза, сопровождаемая поднятием оружия, а также будут нанесены побои, то виновный, независимо от денежного взыскания, присуждается к принудительным работам с лишением свободы на срок от одного до трех лет.

82. Если кто из лиц, состоящих на лесной службе, будет заниматься лесною какого-либо рода промышленностью, у того все лесные материалы отбираются, и он подвергается аресту от одного до трех месяцев.

Содержание.

Стр.

Предисловие 3

К. И. Покалюк. Основы организации лесного хозяйства . . . 5

Т. В. Нехорошев. Основной закон о лесах в связи с новою экономическою политикою 10

Н. А. Кузнецов. Состояние лесного хозяйства Р. С. Ф. С. Р. в настоящее время (1921 г.) 14

В. И. Майер. Согласование требований лесного хозяйства с запросами лесной промышленности и других отраслей промышленной деятельности республики 36

В. Н. Сукачев. Очередные задачи русской дендрологии . . . 46

Л. П. Жеребов. Целлюлозное и древесномассное производство в их отношении к лесному хозяйству России 59

Приложение: проект лесного закона 69

ИМЕЮТСЯ НА СКЛАДЕ

Научного Лесного и Технического Общества

(Москва, Волхонка, 16*):*

Комплекты журнала **„Лесное дело“** за все время его существования. Ц. 45 коп.

Л. К. Рамзин. Топливный голод и борьба с ним в домовом обиходе. Ц. 15 коп.

К. П. Александров. Берегите дрова. Ц. 5 коп.

И. Э. Шарлов. Применение динамита при корчевке и некоторых других работах. Ц. 15 коп.

К. И. Покалюк. Ближайшие перспективы топливоснабжения г. Москвы. Ц. 3 коп.

Цены по курсу Госбанка без пересылки.

Вышли №№ 1 и 2 журнала

„БЮЛЛЕТЕНИ НАУЧНОГО ЛЕСНОГО И ТЕХНИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА при Московском Лесотехническом Институте".

СОДЕРЖАНИЕ № 1:

1. Научное Лесное и Техническое Общество.
2. Акад. **А. Ф. Иоффе.** Основные успехи современной физики. — Техническое использование энергии.
3. **М. К. Поливанов.** Электрофикация России.
4. **Е. И. Майер.** Опыт районирования лесной промышленности России.
5. **Д. Ф. Котельников.** Северный морской путь и его хозяйственное и экономическое значение для Сибири.
6. **В. Э. Классен.** О концессиях.
7. **Н. А. Кузнецов.** Леса бывш. Вельского удельного округа и хозяйство в них.
8. **С. Е. Бернштейн-Коган.** К вопросу о роли внешнего и внутреннего рынка в русской лесной торговле.

СОДЕРЖАНИЕ № 2:

1. **Всероссийская Лесная Конференция** 10-17 ноября 1921 г. в Москве.—Краткий очерк.—Резолюции.
2. **Торжественное заседание памяти Г. Ф. Морозова.** Доклады А. А. Крылова, В. Э. Гольденберга, В. И. Майера и А. А. Стратонитского.
3. **С. А. Богословский.** Исследование прироста разновозрастного елового леса в связи с запросами выборочного хозяйства.

Цена книги 50 коп. (по курсу Госбанка).

Склад издания и продажа: Москва, Волхонка, 16, Научное Лесное и Техническое Общество при Московском Лесотехническом Институте.